

Евгений ГУЛЯКОВСКИЙ

БЕЛЫЕ КОЛОКОЛА РЕАНЫ

Фантастическая повесть

1

Колония расположилась в долине Трескучих Шаров. Только раз в восемь лет набирали силу для цветения эти странные растения. Раз в сезон наполнялись соком их могучие стебли, несущие на шестиметровых венчиках огромные мятые баллоны спораносов, и тогда без маски нельзя было выйти из коттеджа. Одурачивший запах пе-

постижимым образом проникал сквозь биологическую защиту и сложную систему химических фильтров. В такие ночи Дубров плохо спал. Пронзительный тревожный запах забирался в его сны и звал из коттеджа в долину, туда, где ветер, разогнавшись в ущелье, сталкивал друг с другом гигантские белые погремущики. Ему снилось, что это звонят колокола его далекой родины. Белые колокола.

Высоко в небе Реаны прочертила свой след падающая звезда. Она летела медленно, роняя колючие искры, словно капли голубой воды. Дуброву казалось, что он видит звезду сквозь плотно сжатые веки и поголок коттеджа. Галлюцинации в период цветения шаров обладали резкой, убедительной силой, к тому же они всегда имели прямую связь с реально происходящими событиями.

Дубров рывком поднялся с постели и нащупал выключатель раши. В шестом квадрате чуткие усики локаторов нащупали ракетную шлюпку... Дубров вздрогнул и, не поверив себе, сравнил цифры, появившиеся на информационном табло, с данными компьютера. Ошибка исключалась. Это был все-таки ракетный шлюп. Радиограмма достигла Земли поразительно быстро. А это означало, что его немедленно отстранят от должности и в ближайшие дни он навсегда покинет Реану, а следовательно, никогда больше не увидится с Велдой. Было еще и в-третьих... В-третьих означало, что загадка Трескучих Шаров никогда не будет разгадана. Любому человеку для того, чтобы подойти к решению так близко, как это удалось сделать ему, потребуется не меньше восьми лет. Сезон цветения шаров кончится через два месяца, а до следующего сезона колония на Реане наверняка будет свернута.

Инспектор вземных колоний был сух, официален и почти скучен. На его острых скулах выступила рыжая щетина, и Дубров неприязненно подумал, что для инспектора Реана всего лишь глухая провинция.

В руках инспектор вертел маленький серебряный карандаш. Дубров пристально следил за мельканием блестящей палочки, стараясь взять себя в руки и подавить неуместное сейчас раздражение.

— Вам известно правило, запрещающее контакт с биоценозом чужих планет?

— Я знаю наизусть тридцать второй параграф колоннальной инструкции.

— Прекрасно. — Инспектор устало растер виски. — В таком случае я хотел бы выслушать, чем вы руководствовались, нарушив его.

— Вряд ли вы меня поймете. Для того чтобы понять, нужно прожить здесь лет десять. Параграф нарушен. Я согласен принять на себя всю ответственность, разве этого не достаточно?

— Мне необходимо знать мотивы, которыми вы руководствовались. Не всегда инструкция отражает объективные условия конкретной планеты. В таком случае, если доводы обоснованы, мы изменяем инструкцию. Итак, ваши мотивы?

Дуброву стало скучно. Разговор потерял смысл. Мотивы...

Как будто он мог рассказать об этом, как будто это можно было понять, не испытав самому.

— Масло трескучек не наркотик. — Он произнес это тихо и убежденно, не надеясь, что ему поверят.

Ротанов закончил расследование поздно вечером. Он сложил кристаллограммы с записью показаний очевидцев в сейф, выключил автоматического секретаря и прошел в тамбур. Загорелось табло с надписью «Наденьте маску». Противный привкус ментола, пробившись через мундштук, вызвал у него легкий приступ тошноты. Двойная дверь со скрипом ушла в сторону, и он шагнул на тропинку, ведущую к коттеджу Совета старейшин. Ему предстоял еще один неприятный разговор. Он прошел через площадку, сплошь забитую зеленой ботвой огурцов и редиса. Земные овощи легко освоились с непривычной почвой. В этой долине все росло удивительно бурно, хотя остальная поверхность планеты представляла собой бесплодную пустыню. Собственно, именно этот фактор определил судьбу колонии. Десять лет люди топтались в долине трескучек, так и не сумев сделать ни одного шага наружу. Резервация— вот что это такое. Резервация, не имеющая никаких перспектив, к тому же слишком дорогая. Ротанов остановился и зачерпнул из-под ног горсть сухой голубоватой пыли. Смесь песка и глины. Такая же, как в пустыне. Ничем она от нее не отличается, ну абсолютно ничем. Анализ делали, по крайней мере, раз десять, и вот поди ж ты, растения здесь растут как на дрожжах, стоит лишь дать им немного воды и минеральных удобрений, а в пустыне они не растут... Ротанов пропустил сквозь пальцы сухую струйку песка и задумался. Ему не хотелось идти к коттеджу старейшин, не хотелось выполнять такую очевидную и необходимую миссию. Все дело в том, что это на Земле казалась она очевидной и необходимой, на Земле, а не здесь.

Они собрались в тесной комнате все четверо. Троицким было не больше сорока, и только у Крамова были седые виски.

В дальних колониях срок человеческой жизни отмеряют иные, чем на Земле, факторы. И, подумав об этих украденных у них годах жизни, Ротанов обрел наконец необходимую твердость.

— Я должен сообщить вам решение Главного Космического Совета. Колонию на Реане решено ликвидировать.

Первым поднялся председатель совета старейшин Крамов и молча положил перед Ротановым пачку фотографий.

— Что это?

— Развалины.

— Что-что? — не поверил Ротанов.

— Развалины. Остатки кладки. Очень древние, не меньше миллиона лет.

Это уже третья находка. Остатки стен; ничего не сохранилось, кроме этих древних камней. Нельзя даже установить, что это такое. Скорее всего и здесь был лагерь какой-то чужой экспедиции. Если бы на Реане была своя древняя и вымершая цивилизация, она бы оставила больше следов.

Ротанов задумчиво переключал фотографии и не спешил с ответом, понимая, что теперь у Крамова появились основания требовать от Совета организации исследовательской экспе-

диции, и до ее завершения колонию сворачивать будет нецелесообразно... Вряд ли Совет санкционирует такую экспедицию — от развалин почти ничего не осталось. Миллион лет назад кто-то строил в космосе эти стены из камня, строил на разных планетах, вот все, что удалось узнать об этих развалинах.

— Археология за двадцать светолет — для нас это сейчас дороговато.

— А мне кажется, я понимаю, в чем тут дело, — перебил его самый молодой из членов Совета, геолог Миров.

— Да? — заинтересованно спросил Ротанов.

— Совет не хочет поддерживать колонии на дальних планетах, потому что в своем развитии они выбирают самостоятельный путь, слишком независимый от Земли!

— Хорошо, — неожиданно для себя согласился Ротанов. — Я посмотрю эти развалины. Если окажется, что они моложе миллиона лет, я буду голосовать в Совете за исследовательскую экспедицию.

Когда все стали расходиться, он задержал Крамова.

— Я хотел бы знать ваше мнение об этой истории с Дубровым. Он утверждает, что сок трескучек не содержит наркотических веществ. Образцы сока исследованы на Земле. Результат исследования мы вам сообщали.

Крамов задумчиво покачал головой.

— Тут все не так просто. Полностью законсервировать сок не удастся, он начинает изменяться уже через несколько минут после того, как его извлекут из плодов трескучки. В нем происходят сложные химические реакции, а уж через год... Одним словом, Земля исследовала не сок трескучек, а то, что от него остается. Какие-то кислоты образовались, какие-то эфиры разрушились — словом, здесь он совсем другой, и его действие на человеческую психику очень сложно, гораздо сложнее простого наркотика. К тому же, учтите, к наркотику надо привыкнуть, только тогда появится побудительный стимул для его приема. У нас все получается наоборот. Как вы знаете из наших отчетов, два человека уже погибли, попробовав сок трескучки. И все же нашелся третий... Я не знаю, почему он выжил и что теперь с ним будет. А тем более я не знаю, почему он это сделал... На Земле вам все кажется проще, чем оно есть на самом деле.

— Возможно, вы правы... — Ротанов задумчиво катал маленький бумажный шарик. — Но здесь возможно и другое объяснение, ведь Дубров работал с трескучками, как и те двое?

— Да, конечно.

— В таком случае можно предположить, что наркотик действовал постепенно, малыми дозами проникая через фильтры вместе с запахом. Он накопился в организме в достаточном количестве, и родилось острое желание попробовать его в большой дозе...

— Над трескучками работало еще человек десять, и только один из них...

Ротанов пожал плечами.

— Возможно, у них лучше работали фильтры.

Они надолго замолчали. Крамов нервно комкал пластиковую скатерть на столе.

— Что вы собираетесь с ним делать?

— Полная изоляция и карантин не менее года в клиниках Земли.

— Это жестко, Ротанов.

— Я обязан думать прежде всего о безопасности всех остальных. Вместе с соком трескучки он мог заразиться каким-нибудь неизвестным вирусом, воздействие чужих биогенов на человеческий организм непредсказуемо. В конце концов он может стать попросту опасен. И потом мы должны выяснить, как действует на человека сок этих проклятых растений! Хоть это мы увезем отсюда...

— Слишком дорогую цену вы готовы заплатить. Но, я думаю, у вас ничего не получится.

— Уж не вы ли мне мешаете?

— Нет. Но я предупредил — все гораздо сложнее, чем кажется с первого взгляда. Когда вы намерены осмотреть развалины?

— Завтра на рассвете. Приготовьте вездеход.

— Вы знакомы с археологией?

— Кладку рэнитов я узнаю, — уже не скрывая раздражения, ответил Ротанов.

— Хорошо. Я распоряжусь насчет вездехода.

Дубров вышел из коттеджа часа в два ночи. С минуту он стоял на пороге, вслушиваясь в ночные шорохи. То, на что он решился, делало для него одинаково опасным и людей, и все остальное. Он не смог бы подобрать более точного определения для этого «остального». Определения попросту не существовало в человеческом языке. Осматривая лагерь, скупо освещенный ночными фонарями, он еще раз проверил поклажу в своем рюкзаке. Здесь был мощный и легкий фонарь, нож, веревка, винтовой пресс, герметический пузырек. На поясе у него болтался тяжелый футляр с излучателем. Дубров проверил заряд, искренне надеясь, что ему не придется пользоваться излучателем. Вообще говоря, на Реане не было животных, вот только в период цветения шаров...

Вечером в своем коттедже он слышал разговор старейшин с Ротановым так отчетливо, словно в их комнате стоял передатчик. С ним это уже бывало, и он знал, что слуховые галлюцинации скорей всего соответствуют истине. Во всяком случае, рисковать он не мог. Времени у него оставалось очень мало. Только до рассвета, часов шесть, не больше.

Поселок колонии располагался у самого края речной долины. Поля и огороды врезались в заросли трескучек, отняв у них порядочный кусок плодородной почвы.

«Словно мы у себя дома, — подумал Дубров. — Словно это лес, который можно корчевать... Но только это не лес». Он сплюнул в песок, растер сапогом пыль, еще раз проверил фильтры и только теперь натянул маску. Снизу прилетел ветер. Большой мягкой лапой он пршселестел в проводах, поднял с тропинки блеснувшее в лучах фонаря облачко пыли и умчался за изгородь к холмам, на которых росли трескучки. Почти сразу же оттуда донесся оглушительный хлопок, словно кто-то взорвал там петарду.

— Началось, — сквозь зубы проворчал Дубров и поежился. Он понял, что если сейчас же не пойдет, то скорей всего вернется обратно в коттедж — решимость его улетучивалась как дым. Он вспомнил серебряный карандаш в руках инспектора, подтянул рюкзак и шагнул в темноту.

Тревога не давала Ротанову уснуть всю первую половину ночи. И вроде бы причин для этого особых не было. Все шло как обычно. Ликвидация не оправдавшей себя далекой колонии всегда связана со столкновением различных интересов и нервозностью. Скорее всего на него так сильно подействовал необоснованный упрек Крамова в жестокости. А может быть, была другая причина? Ощущение опасности, к примеру? Нет, это не то. Чувство непосредственной, сиюминутной опасности было ему слишком хорошо знакомо.

Ротанов не любил прибегать к услугам химии и предпочел встать. Он смочил виски холодной водой — от бессонницы у него слегка разболелась голова — и решил немного пройтись. Процедура одевания маски прогнала остатки сна и заставила пожалеть об этой нелепой затее, но отступить не хотелось.

Всякий раз, прилетая на чужие планеты, Ротанов испытывал странное чувство ожидания скрытой здесь от людей тайны и еще удивление. Возможно, это чувство постоянного удивления помогало сохранить ему остроту и свежесть восприятия, способность замечать детали, столь необходимые в его работе...

Человека у ограды он заметил не сразу. Кому-то еще не спалось в этот поздний час?.. Вначале он почувствовал всего лишь удивление, но уже через секунду его насторожила странная, крадущаяся походка человека. В той стороне за оградой, куда он шел, начинались дикие заросли, и пойти туда ночью мог решиться всего лишь один человек — Дубров.

Замаскированный пролом в ограде Ротанов нашел не сразу, к тому же свет далеких теперь фонарей уже не мог ему помочь, и, хотя взошла луна, ее призрачный отсвет не мог пробиться сквозь плотную зеленую подушку листьев, висевшую у него над головой. Ротанов остановился и прислушался. Заросли были полны не прекращавшейся ни на секунду мешанины непонятных звуков. Что-то шуршало, потрескивало, скрипело и пищало у него над головой. Неожиданно впереди раздался оглушительный взрыв. Рвануло совсем близко и без единого проблеска пламени. Ротанов бросился на звук, выставив вперед руки, стараясь уберечь лицо от хлещущих, плотных, словно вырезанных из железа, листьев. Неожиданно он услышал, как на самом верху, в кронах растений, родился новый, непонятный звук. Впечатление было такое, словно кто-то развязал у него над головой мешок с песком и целые потоки этого песка хлынули вниз, со свистом и шелестом подминая под себя листья. Ротанов рванулся в сторону, но опоздал. Сухой шелестящий поток обрушился ему на плечи и сразу же, не задержавшись на одежде, скользнул вниз. Почти в ту же секунду Ротанов споткнулся о корень растения и растянулся на земле. Удар был достаточно силен. Секунду, другую у него перед глазами плясали огненные искры. И, лишь окончательно придя в себя, он увидел впереди в нескольких шагах неподвижное пятно света.

Источник света загораживала плотная щетина молодой поросли трескучек. Стебли казались такими плотными и толстыми, словно их сделали из твердой резины. Все же ему удалось ползком продвинуться вперед на несколько метров и осторожно раздвинуть последний ряд растений, отделявших от него источник света. К несчастью, луч фонаря, который валялся на песке, оказался направленным прямо в лицо Ротанову и на мгновение ослепил его.

Дубров втиснулся в пролом изгороди и очутился в зарослях трескучки. Он знал здесь каждую тропку и знал, что искать. Ему нужно было выбрать достаточно зрелое растение, в то же время оно ни в коем случае не должно было быть полностью созревшим и готовым к выбросу спор. Определить это в темноте да еще снизу, не видя спороносов, было трудно. В конце концов он остановил свой выбор на толстом шершавом стволе и полез вверх. За долгие годы у него выработалась в этом деле приличная практика. Чтобы не повредить растения, он никогда не пользовался механическими приспособлениями и взобрался на шестиметровую высоту по совершенно гладкому граненому стволу с помощью связанной кольцом веревки, особым образом перекинутой вокруг ствола и служившей опорой для ног. Колючки начинались на уровне кроны, и здесь понадобилась вся его осторожность и весь предыдущий опыт, чтобы пробраться сквозь опасную зону. Наверху, как только он миновал нижний пояс листьев, сразу стало светлее, здесь ствол раздваивался, и Дубров выругался сквозь зубы. Двойной ствол на этой высоте означал, что растение имело два спороноса — случай редкий и довольно опасный, поскольку спороносы, хоть и созревали практически в одно время, все же имели небольшое индивидуальное различие, и все могло закончиться трагически, если второй споронос достиг стадии зрелости раньше первого. Дубров взобрался теперь почти к самой чашечке, увенчанной огромным двухметровым белым шаром со сморщенной оболочкой. Ощупав его, он почти безошибочно смог определить степень зрелости. Но как узнать о втором спороносе? Он раскачивался где-то рядом. Всмотревшись, можно было различить за спиной бледное белое пятно. Дубров зажег фонарик и теперь смог рассмотреть чуть желтоватую, изрезанную глубокими складками поверхность оболочки. Но это ничего не дало. Конечно, можно было спуститься до развилки и вновь подняться к этому второму спороносу. Но, во-первых, определение на ощупь никогда не было особенно точным, все равно приходилось рисковать, а во-вторых, Дуброва с самого начала, с того момента, как он решился на этот поход, не покидало ощущение, что времени у него в обрез, что он опаздывает и дорога каждая секунда... Он не мог бы объяснить причину этого чувства, но в последнее время привык доверять своим ощущениям и предчувствиям.

Секунду поколебавшись, он решил не тратить время на второй споронос и достал нож. Самым трудным и опасным моментом было вскрытие оболочки. Дубров знал, что если споронос созрел, то на прикосновение он отреагирует взрывом... Так по-

гиб Кольцов. Его сбросило со ствола на колючки... Можно было, конечно, привязаться к стволу, но он не знал, какой силы может быть взрывная волна, и из двух зол выбрал меньшее... Рука с ножом осторожно приблизилась к оболочке и медленно, сантиметр за сантиметром, стала погружаться в рыхлую массу. Лоб Дуброва мгновенно покрылся испариной. Вскоре конец ножа уперся во что-то твердое. Это была внутренняя пленка. Если споронос не созрел, то давление газов в нем еще не достигло опасного предела... Весь сжавшись, ежесекундно готовый к сокрушающему удару, Дубров изо всех сил надавил на рукоятку ножа. Раздался легкий треск, и нож, проломив последний слой, ушел в споронос по самую рукоятку.

«Когда-нибудь я все-таки ошибусь... — подумал Дубров. Если это случится, то похоронят без всяких почестей. Он нарушал закон, то есть попросту был обыкновенным преступником. — Но ведь они не знают... — подумал он, — не знают и не хотят знать...» Он вспомнил свою единственную попытку объяснить Совету колонии действие масла трескучки. Результат был прост и печален — «галлюцинации, отравление растительными ядами». Таково было официальное заключение на его докладную записку. Наверно, нужно было все оставить, вернуться к нормальной жизни, сделать вид, что ничего не произошло, но для тех, кто попробовал сок трескучки, обратного пути уже не было. На этот раз ему повезло, и не стоило заглядывать слишком далеко в будущее.

Дальнейшая процедура уже не представляла никакой опасности. Он легко вырезал в спороносе отверстие, достаточное, чтобы можно было просунуть руку. Нашупал венчик незрелых спор и в самом центре пустое углубление для семени. Оно всегда было пустым. Может быть, на тысячу растений одно завязывало в процессе своего развития это таинственное семя, о котором среди колонистов было сложено так много легенд. Дуброву ни разу не удалось увидеть его самому. Он опустил руку ниже и нашупал масляничные железы. Никто толком не знал, для чего нужны трескучке эти железы, выделяющие остропахнущее, одуряющее масло. Биологи считали их атавизмом, остатком органа, который помогал переносу спор в те далекие времена, когда здесь существовали какие-то огромные, исчезнувшие ныне насекомые.

Ступни ног у Доброва затекли, врезалась в подошвы веревка, но, не обращая на все это внимания, он закрепил на поясе фонарь и, вырезав достаточное количество масляничных желез, набил ими емкость пресса, завернул его до отказа, заполнив при этом склянку маслом до нужной отметки. Только после этого, завернув пробку, он начал спуск, совершенно забыв о втором спороносе у себя за спиной. От неосторожного движения стебель качнулся под его тяжестью, и Дубров почувствовал, что его спина на мгновение уперлась в мягкую податливую поверхность. В ту же секунду оглушительный взрыв хлестнул по нему сзади. Страшная сила оторвала руки от ствола, приподняла его в воздух и швырнула вниз. Удар был так силен, что на несколько секунд он потерял сознание, а придя в себя, понял, что лежит на спине, сжимая в руках свою драгоценную склянку. Кости, кажется, не пострадали, впрочем, те-

перь это уже не имело значения. Фонарь отлетел далеко в сторону, но не разбился и не погас. Дубров хотел до него дотянуться, однако резкая боль в пояснице вновь опрокинула его навзничь. Собравшись с силами, он оперся на руки и сел, превозмогая боль, пронзившую все его тело. Теперь ему оставалось одно — отвернуть пробку...

Когда наконец глаза Ротанова вновь обрели способность что-либо различать, он увидел сидящего на песке Дуброва. Песок, на котором тот сидел, показался Ротанову не совсем обычным. Он был значительно темнее остального песка, и это темное пятно плотным кольцом опоясывало ствол мощной трескучки, оперевшись о который сидел Дубров. Казалось, что весь песок вокруг него обильно посыпан черной сажой. Но это было еще не все. Внимание Ротанова было направлено на Дуброва, а то, что произошло затем, заняло не более нескольких секунд. Все же боковым зрением он заметил, что песок словно бы шевелится под Дубровым, будто на него волнами налетала рябь от ветра, хотя никакого ветра здесь не было. Фонарь, который в первое мгновение ослепил Ротанова, валялся в нескольких шагах от Дуброва и освещал его руки, рюкзак и нижнюю часть лица. Их разделяло теперь не больше двух метров, и Дубров, несомненно, увидел высунувшегося из зарослей Ротанова. Нехорошо усмехнувшись, он медленно поднес к губам стеклянный пузырек.

— Не делайте этого! — крикнул Ротанов и, оттолкнувшись обеими ногами, бросил свое тело вперед. Но было уже поздно. Стеклянка выпала из рук Дуброва, плотные маслянистые капли стекла по его щекам. Постепенно лицо Дуброва начало бледнеть, кожа словно бы становилась прозрачнее. Одновременно Ротанову показалось, что вся его фигура приобрела какую-то странную мешковатость. Исчезли плечи, подбородок безвольно свесился на грудь. На глазах у Ротанова одежда Дуброва стала съезжаться, словно она превратилась в проколотую футбольную камеру, из которой выходил воздух.

Через минуту одежда лежала рядом с рюкзаком бесформенной пустой кучей. Фонарь отбрасывал на песок резкие тени. Ротанову показалось, что он сходит с ума. Он бросился к одежде, схватил ее, словно надеялся что-то удержать. Потом выпустил куртку осторожно, словно она была стеклянной. Повернул штаны и заглянул в пустые ботинки, будто надеялся обнаружить там разгадку бесследного исчезновения Дуброва.

Вся обратная дорога слилась для Ротанова в бесконечный хлещущий поток ветвей и листьев. Когда он добежал наконец до ограды, на исцарапанной коже лица выступили капельки крови. Его руки сжимали рюкзак. Прежде чем уйти, он механически сунул в него одежду Дуброва. Он не верил больше собственным глазам. Все, что он видел, могло быть лишь галлюцинацией, навеянной ядовитыми испарениями трескучек... Ноги сами собой принесли его к коттеджу, в котором жил Дубров. В ответ на звонок автомат любезно отодвинул перед ним дверь тамбура. Обычно это означало, что хозяин дома...

Дубров лежал в постели. Увидев Ротанова, он стремительным движением поднялся на ноги. Так встает человек, еще не успевший заснуть и лишь за минуту до этого прилеглий в постель. Не скрывая иронии и неприязни, Дубров пристально разглядывал стоявшего на пороге Ротанова.

— Чему обязан столь неожиданным вторжением?

— С вами ничего не случилось?

— Как видите. А что должно было со мной случиться?

— Зачем вы выходили из поселка час назад? — Ротанов уже взял себя в руки.

— У вас галлюцинации, инспектор. В период цветения шаров это бывает.

— Может быть, вы будете утверждать, что это не ваша одежда?

Ротанов вывалил из рюкзака подобранные в зарослях тряпки. Дубров встал и распахнул шкаф. На плечиках в строгом порядке была развешана обычная рабочая одежда колонистов. Ротанов не мог определить, вся ли она на месте, но это ничего не меняло.

2

Сразу за поселком речная долина, раздвинув цепочку высоких холмов, исчезала, растекалась вширь, полностью терялась в песчаных и каменных нагромождениях пустыни. Голубовато-зеленый цвет почвы не радовал глаз, выглядел мертвым.

Приземистое тело вездехода, накрытое выпуклым прозрачным колпаком, перевалило через гребень последнего холма и погрузилось в бескрайнее, до самого горизонта, марево Реанской пустыни. Кроме водителя, в кабине сидели Ротанов и Крамов. Кондиционеры работали нормально, и все же каким-то непонятным путем ощущение удушающей жары проникало в кабину. Разговаривать не хотелось. Слова будто запекались на губах. Казалось, вездеход не движется, он словно стал частью пустыни, вплавился в ее поверхность намертво и навсегда, даже толчки и тряска не могли развеять этого ощущения. Гидравлические рессоры работали с полной нагрузкой. Первозданное лицо планеты так и не пересекли дороги. Здесь не было воды, которая могла бы сгладить рельеф. Вода находилась глубоко и на поверхность не проникала. Она отсутствовала везде, кроме одного-единственного места — долины Трескучих Шаров.

Ротанов хорошо знал, что такие странные исключения из правил только кажутся случайным капризом природы. За ними почти всегда стоит неизвестная людям закономерность.

Одна-единственная живая долина, один-единственный холм с этими развалинами на всей планете, а остальное вот эта пустыня... Тут было над чем задуматься. Вчерашнюю историю с Дубровиным Ротанов старался забыть. Она мешала ему работать, мешала сосредоточиться и, непроизвольно врываясь в строгий ход мыслей, взрывала все построения. Полное отсутствие логики могло означать лишь одно — на поверхность выплыла какая-то ничтожная часть неизвестной и сложной систе-

мы. Думать об этом сейчас было бесполезно. В галлюцинации он не верил. Оставалось лишь накапливать новые факты.

Восхождение на холм началось задолго до того, как они приблизились к нему вплотную. Холм состоял из широких платформ древнего песчаника, наложенных друг на друга и представляющих собой некое подобие лестницы с многокилометровыми ступенями. Переход со ступени на ступень был довольно плавен, порой было трудно заметить, когда вздоход преодолевал очередной подъем. Наверно, сверху все это природное сооружение походило на стопу блинов различной величины. Самый маленький блин лежал на вершине. До него оставалось не менее двух километров, когда Ротанов попросил остановить машину и вышел наружу. Всплеск раскаленного воздуха был похож на удар, и все же он снял маску и вдохнул воздух Реаны. Здесь, вдали от цветущих трескучек, это было вполне безопасно. Теперь он смог полное ощущение обстановку этого места, его настроение. Ему хотелось сделать это прежде, чем они увидят развалины. Минуты три он стоял неподвижно, слушая такую ватную и плотную тишину, какая бывает лишь в космосе; даже дыхание ветра не нарушало ее. Ротанов повернулся спиной к вздоходу и пошел в сторону от проложенной им колеи. Ему хотелось вычеркнуть из пейзажа все внешнее, искусственно привнесенное людьми. И тогда ему показалось, что тишина и ощущение мертвого покоя в этой пустыне были, пожалуй, слишком полными и от этого чуть театральными.

Последние километры уже не вызывали в нем никакого интереса. До самых развалин он сидел, откинувшись на подушках и нахмутив свое скуластое лицо, рассеченное глубокими складками обветренной кожи. Наконец, подняв целое облако пыли, вздоход затормозил возле развалин. Как и предполагал Ротанов, сами развалины не произвели на него особого впечатления. От стен почти ничего не осталось, а то, что осталось, было скрыто под слоем песка. Неудивительно, что их проглядели во время разведки планеты.

Они привезли с собой универсальный кибер, и теперь водитель торопливо навинчивал на него необходимые приспособления. Надо было расчистить песок метра на два в глубину, чтобы обнажить и очистить кладку. Ее характер, размеры блоков, качество цемента могли немало рассказать опытному археологу. Ротанов не был археологом, но в каких только ролях не приходилось выступать колониальным инспекторам! Их знания были универсальны, а мнения ценились зачастую выше мнения экспертов, возможно, потому, что обширная практика работы на многих удаленных планетах освобождала их мысли от готовых шаблонов и стандартов.

Наконец кибер был готов приступить к работе. Со своими навесными лопатами и скребками он стал похож теперь на большого жука, распутившего крылья и вставшего на задние лапы. Водитель подключил к нему кабель питания, и жук решительно двинулся вперед, повинувшись командам выносного пульта.

Постепенно лопаты кибера углублялись в песок, отбрасывая его назад и в стороны. Траншея вдоль холмчика, обозначившего стену, становилась все глубже. Неожиданно мотор кибера противно заурчал, он рванулся в сторону и вдруг стал стремитель-

но погружаться в песок, словно проваливался в какую-то трясину.

— Выключите его! — крикнул Ротанов. Но водитель и сам уже догадался это сделать.

В полной тишине, с остановившимися двигателями кибер продолжал погружаться. Вокруг него образовалась небольшая воронка, казалось, песок под машиной просыпался в какую-то внутреннюю полость. Водитель раздвинул лапы кибера как можно шире, стремясь заклинить машину в провале. Это ему удалось, кибер остановился, и теперь в немом молчании они смотрели, как песок вокруг машины продолжает просачиваться, утекая как вода, постепенно обнажая стены трещины. Впрочем, это была не трещина. Уже сейчас можно было различить правильный прямоугольник отверстия, ведущего куда-то вниз.

Помещение напоминало ящик. Три метра ширины и два высоты. Когда кибер снял со стен толстый слой грязи и включил дополнительное освещение, кто-то заметил, что одна из стен не совсем обычна. Она была сложена из маленьких восьмигранных блоков, плотно пригнанных друг к другу и почти не поддавшихся разрушительной работе времени. Даже в том месте, где стена обрушилась, внутренняя часть блоков сохранилась. Восьмигранные призмы, сделанные из какого-то очень твердого белого материала, уходили в стену на всю ее толщину. Несмотря на необычность кладки, Ротанов отнес ее к Рэнитовскому периоду, с помощью радионуклидного анализа он определил возраст — полтора миллиона лет.

Им потребовалось не меньше часа, для того чтобы протянуть дополнительные кабели и установить по бокам стены все осветители, какие только нашлись на вездеходе. Водитель снаружи замкнул рубильник и спросил, все ли в порядке. Но ему никто не ответил. Они стояли рядом, плечом к плечу, и не могли произнести ни слова.

Картина проявлялась постепенно, по мере того как водитель регулировал свет. Многое зависело от места расположения источника света и от силы освещения. Когда удавалось найти нужный угол и отрегулировать свет, где-то в глубине восьмигранников, а иногда у самой поверхности их цвет едва заметно менялся, словно какой-то невидимый художник трогал их мягкой и яркой пастелью. Границы между различными цветовыми оттенками были нечетки, расплывчаты, и потому картина не имела определенных сюжетных контуров, это был просто набор цветовых пятен. Но в их сочетании угадывалось скрытое настроение, какой-то музыкальный, неполно выраженный тон. И чем дальше Ротанов всматривался в эти цветные пятна на стене, тем яснее понимал, что это не абстракция, что на стене изображено нечто вполне конкретное. Они просто еще не поняли, не нашли способа понять, что именно хотел выразить неведомый художник. Отчего-то Ротанова не покидала уверенность, что картина несет какую-то важную информацию.

— Мне кажется, картина не в фокусе, — сказал водитель.

— Как вы сказали? Не в фокусе?!

— Я хотел сказать, она не резка, размыта, наверно, время...

— Нет, вы сказали не в фокусе... А ведь это можно проверить.

Через несколько минут они уже знали, что поверхность стены имела плавную, незаметную для глаза кривизну. Стена представляла собой часть огромной, правильной сферы, и теперь уже нетрудно было рассчитать ее фокус. Через час, убрав обломки породы и песок, они удлинили помещение на добрых четыре метра. Кривизна была рассчитана так, чтобы фокус находился на уровне глаз человека. Только один человек одновременно мог видеть картину, словно она несла в себе некую тайну, не предназначенную для посторонних глаз...

Почему-то никто не решился первым встать в это заранее рассчитанное бортовым компьютером место. Нечто величественное и тревожное угадывалось в том, с каким упорством, последовательностью и целеустремленностью была задумана неизвестными конструкторами эта стена, задумана так, чтобы пронести через тысячелетия некий образ, поведать потомкам о чем-то таком, ради чего стоило создавать все это сооружение.

Нужно было сделать всего лишь шаг, один шаг. Ротанов вздохнул, провел по лицу рукой, словно прогоняя неизвестное сомнение, и шагнул к точке фокуса.

Картина не была объемной. В первую секунду Ротанову показалось, что она не была даже цветной, и только потом он различил очень блеклые, едва уловимые цветовые оттенки. Зато здесь, в точке фокуса, картина наконец стала резкой. Отчетливо проступили все линии, штрихи, детали... Впечатление разбивалось, дробилось на отдельные, не связанные сюжетно части. Вначале он увидел кусок планетного пейзажа, это, несомненно, была Реана. Реана в глубокой древности, когда здесь еще не было пустынь. Все пространство заполняли огромные шары трескучки... Планета трескучек? Но кто же создал это полотно, какой неизвестный художник? Вдруг он заметил в правом нижнем углу картины знакомый холм, на котором они сейчас находились. Он узнал его, может быть, потому, что башни и зубчатые стены строений на фоне блеклого фиолетового неба выглядели так, как он пытался их себе представить.

Весь холм и эта старинная, защищенная высокой стеной крепость выглядели в пейзаже чужеродным телом. Они смотрелись как остров в зеленом море со странными белыми гребешками волн... Трескучки окружали замок со всех сторон, жались к стенам, гнездились в трещинах скал... Когда Ротанов едва заметно менял угол зрения, часть картины сразу же тускнела, словно гасла, зато высвечивалась новая часть, и он никак не мог найти положения, в котором мог бы увидеть ее сразу всю целиком. Впрочем, такое разбитое на отдельные фрагменты впечатление его пока устраивало, оно помогало полнее усваивать информацию. Неожиданно для себя он установил, что светлое округлое пятно над поверхностью планеты вовсе не солнце, а человеческое лицо. Лицо женщины с огромными, чуть разнесенными глазами, смотрящими пристально и тревожно. Затем он увидел ее руки, словно простертые над планетой в немом призыве, в попытке спасти раскинувшийся под ней зеленый мир от какой-то угрозы. Пожалуй, это было его собственное, субъективное впечатление. Проследив за направлением ее рук, он

заметил на поверхности планеты еще одну человеческую фигурку, совсем маленькую и как бы устремленную навстречу женщине. Несколько мгновений Ротанов никак не мог поймать в фокус лицо этой фигуры, по общему облику он не сомневался, что это мужчина, и невольно удивился диспропорции в размерах: огромное, летящее над планетой лицо женщины, а на поверхности под ней крошечная фигурка мужчины.

Он все еще старался поймать в фокус лицо мужчины, когда заметил у его ног целую шеренгу каких-то загадочных и совсем уж маленьких лохматых существ. Он долго старался понять, что они собой представляют. И вдруг забыл о них, потому что после какого-то произвольного движения вся картина целиком стала наконец видной. Ощущение тревоги и безысходной тоски навалилось на Ротанова с неожиданной силой. За спиной женщины появились пятнышки звезд, они сплелись в незнакомые созвездия. Казалось, женщина летит откуда-то из темных глубин космоса, летит к планете, хочет обнять ее, защитить от неведомой грозной опасности и не успевает... На ее лице ясно видны отчаяние, почти безнадежная мольба о помощи. Какие-то темные могучие силы сминают, разрушают перед ней поверхность планеты. В открывшуюся взору Ротанова воронку голубоватой грязи рушатся скалы и самые стены замка, в ней без следа исчезают белые шары трескучек и беспомощные лохматые существа, сбившиеся у ног мужчины. Ротанову казалось: он слышит некую грозную мелодию разрушения. Мелодию, не затерявшуюся в бездне веков, грозящую неведомой опасностью им самим... Сегодняшнему дню планеты... На самом краю воронки, наполненной голубой грязью, стояла фигурка человека с поднятыми навстречу женщине руками. Но грязь, растекаясь по всей поверхности планеты, отделяла их друг от друга. В лице мужчины Ротанов ясно видел отчаяние. И вдруг это лицо показалось ему знакомым. Ротанов узнал тяжелый разлет бровей, широкий лоб с характерной сеточкой морщин... Картина обладала поразительной способностью передавать мельчайшие детали. Но лица людей часто бывают похожи, к тому же картина ничего общего не имела с фотографией, это было прежде всего художественное произведение, и все же... Сознание отказывалось принять противоречащий логике факт, упорно подыскивало более правдоподобное объяснение. Взглянув наконец ниже, он увидел у самых ног человека знакомый рыжий рюкзак с заплатой на левом кармане, в который вчера ночью своими руками сложил одежду Дуброва после его исчезновения.

Пока водитель готовил вездеход к обратной поездке, Ротанов и Крамов спустились метров на сто по склону холма. Они шли молча, и Ротанов был благодарен Крамову за то, что тот дает ему время обдумать происшедшее, не пытается навязать собственных суждений, не задает ненужных вопросов, просто ждет решения и все.

Солнце клонилось к закату, и в цвете пустыни наступило странное изменение. Может быть, оттого, что лучи фиолетового светила падали на землю слишком косо, они окрасили ее в

голубоватый цвет, очень похожий на тот, что так поразил Ротанова на картине.

— Голубая грязь... Вам не кажется, что в почве планеты все еще есть ее остатки и именно поэтому она так безжизненна?

— Но ведь анализы...

— Анализы! Анализы не всегда улавливают нюансы, да и химии не всегда ищут то, что нужно. Это придется проверить. Во всяком случае, место то самое... Где-то здесь, прямо под нами, был центр воронки.

— За полтора миллиона лет слишком многое изменилось.

— Да. Кроме Дуброва, пожалуй. — Они внимательно посмотрели друг на друга.

— Вы его хорошо знали? С самого рождения?

— Да. Мальчишкой он был непоседливым, энергичным, довольно способным, а взрослым... Даже не знаю, что сказать... Была в нем одна черта. Я бы назвал ее повышенным чувством справедливости, в еще, пожалуй, замкнутость.

— Сейчас я хочу знать другое. Были ли такие периоды, когда Дубров оставался вне сферы вашего наблюдения? Оставался один на достаточно долгий срок?

— Мы здесь не следим друг за другом. Планета безопасна. Такие периоды бывают у каждого из нас. Конечно, и Дубров вел самостоятельную работу. Но... но мне кажется... ваша версия ошибочна.

— Я обязан проверить любые возможные версии, — сухо возразил Ротанов. — Надеюсь, вы поняли, насколько все стало серьезней после этой картины. Меня не покидает мысль о самом помещении. Это не зал для демонстрации. Это вообще не зал. Просто каменный параллелепипед. Он чересчур функционален. С одной-единственной задачей. Нечто вроде почтового ящика...

— И в нем послание, адресованное именно нам?

— Вполне возможно.. Эвакуацию вашей колонии придется отложить до прибытия специальной экспедиции. Хотя я не буду настаивать на такой экспедиции.

— То есть как?

— Я считаю, что у вас в колонии есть все необходимые специалисты. Вам просто нужно перестроить работу. Ориентировать людей на совершенно новые задачи и сделать это немедленно, еще до прибытия транспорта со специальным оборудованием. Меня не покидает мысль, что у нас очень мало времени, может быть, слишком мало... Мы должны разобраться в ситуации, прежде чем она полностью выйдет из-под контроля.

— Вы предполагаете такую возможность?

— Во всяком случае, обязан ее учитывать.

Они надолго замолчали. Ротанов чувствовал, что Крамов что-то хочет сказать ему, но почему-то не решается. Наконец он сказал, глядя в сторону:

— Не знаю, поможет ли вам это. Но после истории с картиной самые невероятные вещи кажутся мне заслуживающими внимания.

— А вы знаете еще что-нибудь из этой серии?

— Не знаю, из какой это серии. Думаю, вам лучше всего посмотреть на них самому. Это недалеко. Каких-нибудь два-

дцать километров в сторону от прямой дороги в поселок. Нам нужно успеть часам к шести. Раньше они все равно не выйдут. Только после заката.

Двадцать километров в сторону от проложенной колес вездеход проделал за полчаса, и перед самым закатом они очутились в русле сухой речки. Еще в дороге сориентировавшись по фотокарте, Ротанов понял, что долина этой пересохшей речки тянется от самой рощи трескучек. Отсюда до поселка было всего километров восемь. Крамов попросил остановить вездеход и первым скрылся в нагромождении скал, закрывших долину. Когда Ротанов его нагнал, Крамов жестом попросил его не шуметь, хотя сам шел довольно неаккуратно, то и дело задевая толстыми подошвами ботинок за камни. Внизу он выбрал большой гладкий валун, уселся на нем и достал пакетик с орехами. Не скрывая раздражения от его слишком загадочного и несколько театрального поведения, Ротанов остановился рядом.

— Вы бы объяснили, чего мы ждем?

Крамов пожал плечами.

— Это нужно увидеть самому, наберитесь терпения, до заката осталось несколько минут.

Действительно, Альфа Грианы, светило этой далекой планеты, уже коснулась горизонта. Ее диск неправдоподобно распух, сплюснутый толстым слоем атмосферы. Свет переходил из фиолетовой гаммы в синюю и постепенно сходил на нет. Наконец звезда скрылась за горизонтом, и над пустыней во всю ее необъятную ширь повисли серые сумерки, полные тишины и запахов нагретого за день песка.

Можно было подумать, что во всей этой огромной и мертвой пустыне жили и двигались лишь они двое. Неожиданно Ротанов понял, что это не совсем так. Прямо на них с той стороны, где был расположен лагерь, двигалась какая-то темная масса. Ротанов, привыкший к тому, что любое непонятное движение на чужих планетах предвещает опасность, потянулся к оружию, но Крамов остановил его.

— Они совершенно безопасны. Главное — не двигайтесь, постарайтесь подпустить их как можно ближе, иначе вы ничего не увидите.

Сумерки сгушались, трудно было что-нибудь рассмотреть на таком расстоянии, и все же Ротанову казалось, что темная масса, двигавшаяся вдоль русла, распадается на отдельные пятнышки. Их было не так уж много — штук десять. Какие-то движущиеся предметы. Почему-то пятна казались именно предметами, а не живыми существами. Позже он понял, что в этом виновата их форма. Сейчас их разделяло всего несколько десятков метров, и Ротанов должен был признать, что никогда еще не встречал чего-нибудь более странного, чем эти движущиеся треножки. Три ноги соединены в одной точке. Не было ни головы, ни глаз, ни туловища — только эти три ноги. И по тому, как мягко изгибались эти ноги, как осторожно ощупывали почву, прежде чем сделать очередной шаг, Ротанов понял: они все-таки живые... Ни один механизм не мог бы обладать столькими степенями свободы, как эти гибкие лапы, в них не было и намека на шарниры, не было места для каких-то скрытых двигателей, вообще ничего не было, кроме соединенных вместе

лап... Рост каждого существа не превышал полуметра, лапы толщиной с человеческую руку заканчивались не ступнями, а какими-то круглыми подушечками или присосками.

Не дойдя до замерших людей метров двадцати, существа разом остановились. Но они не стояли неподвижно, как это сделали бы механизмы. Передние существа переминались с ноги на ногу, словно в нерешительности. Сейчас они производили трогательное и беспомощное впечатление. Те же, что шли сзади, остановились не сразу. Натолкнувшись на передних, они отступили назад. Ротанов подумал, что скорее всего они ничего не видят, но все же каким-то образом ощущают присутствие людей. Потоптавшись с минуту, существа начали расходиться в разные стороны.

— Следите за каким-нибудь одним, — прошептал Крамов. — И не двигайтесь.

Одно из существ, пробежав совсем рядом, начало карабкаться на крутой склон. Ротанов только теперь оценил, как хорошо приспособлено их тело к движению по неровной поверхности. Живой треножник сплоснулся, прижался к самой земле и, широко расставив лапы, цеплялся за малейшие трещины и выступы камня. Взобравшись на пологую часть террасы, он остановился, приподнял одну лапу и вдруг начал быстро вращаться на одном месте, как это делают балерины. Вокруг него появилось облачко пыли, одна из лап треножника начала зарываться в мягкую породу, образуя в ней небольшую лунку. Раздался треск, и в том месте, где только что стоял треножник, сверкнула электрическая искра. Существо исчезло.

— Это все, — сказал Крамов. — Теперь вы можете попытаться поймать любого из оставшихся. Бегают они довольно плохо.

Не дожидаясь повторного приглашения, Ротанов бросился к ближайшему существу. Оно тут же пустилось от него наутек. Расстояние между беглецом и преследователем быстро сокращалось, и, когда Ротанову оставалось лишь протянуть руку, раздался знакомый треск электрического разряда и существо рассыпалось у него на глазах, превратилось в облачко темноватой пыли, медленно оседающей на землю. Порыв ветра подхватил часть этой пыли и унес в пустыню. Пораженный Ротанов обернулся, но увидел только одинокую фигуру Крамова, неподвижно стоявшего на месте. Нигде не было видно больше ни одного треножника.

— Со всеми произошло то же самое?

Крамов молча кивнул.

— Почему вы ничего не сообщали о них в своих отчетах?

— Мы узнали о них совсем недавно. Их появление непосредственно связано с цветением трескучек.

— Интересно. Каким же образом?

— Пыль, которая остается после разряда, на самом деле вовсе не пыль. Это зрелые споры трескучек. Собственно, все тело треножников состоит из этих спор, связанных между собой неизвестной нам энергией. Когда заряд энергии оказывается израсходованным, они распадаются. То же происходит при малейшей опасности. Наши биологи предполагают, что эти образования несут одну-единственную функцию — разнести как можно дальше пыльцу трескучки.

— Ну да, простой и экономичный способ. Как они устроены? Откуда получают энергию? Как получают и каким образом перерабатывают информацию об опасности?

— Этого мы не знаем. Никто еще не держал в руках самого треножника, они всегда распадаются. Установлено, что образуются они в зарослях трескучки сразу после взрыва спороноса и тут же пускаются в путь, стараясь как можно дальше уйти от места рождения. Их встречали в пустыне за десятки километров от дома. Это все, что мы о них знаем.

— Пусть этим займется специальная группа биологов. Необходимо выяснить, как они образуются. Единственная ли это форма спороносителя или возможны другие, и самое главное вот что... Нужно выяснить пути их миграций. Определить места, в которые они стремятся, если только их миграции подчинены какой-то системе...

Ротанов надолго задумался, стало уже совсем темно, и Крамов зажег мощный фонарь. Луч его света сразу же сгустил темноту и словно прорубил в ней узкий голубой коридор.

— Вы ничего не заметили знакомого в их облике?

— Знакомого? Они похожи на штатив, на треножник буссоли.

— Я имею в виду не это... Мне показалось, что они очень похожи на те лохматые существа, что мы видели на картине у ног Дуброва, только здесь они гладкие.

— Да. Пожалуй... Дубров. Снова Дубров. Одно из двух: или этот человек проник в загадки Реаны гораздо дальше любого из нас, либо он...

— Вы хотите сказать «нечеловек»?

Ротанов ничего не ответил. Еще с минуту они стояли молча, слушая, как ветер, усилившийся после заката, свистит в трещинах скал у них над головой.

— Пойдемте, — сказал Ротанов. — Дубровым я займусь сам.

3

Ротанов сидел за своим рабочим столом в отведенном ему коттедже. Прямо перед ним светился экран дисплея главного информатора колонии, на котором то и дело появлялись слова: «Канал свободен».

Наконец Ротанов потянулся к клавиатуре и отстучал задание: «Все данные о колонисте Дуброве по форме 2К». Ему пришлось набрать специальный шифр, так как эта форма выдавалась только в случае официального расследования, и сейчас, набрав шифр, он словно поставил некую невидимую точку в своих собственных рассуждениях. Просматривая информацию, поступающую на экран, он делал пометки в блокноте и, когда закончил, удивился тому, как мало их получилось: родился в колонии тридцать лет назад, прошел полный курс обучения на биолога, нет семьи. Последнее он подчеркнул: для колониста в возрасте Дуброва это было необычно. Специализация — агробиолог. Тема — «Активные химогены в масле трескучек».

Интересующих Ротанова сведений оказалось на удивление мало. Прожил человек тридцать лет, учился, закончил самостоятельную работу, вот и все, что можно о нем узнать из картошки. Впрочем, Ротанова никогда не удовлетворяли официаль-

ные сведения. В личную карточку вносились лишь основные, определяющие события в жизни каждого человека, а его сейчас интересовали нюансы, черты характера, странности, срывы, словом, все то, чего машина знать не могла...

Встретившись со школьным учителем, с научным руководителем и еще с двумя-тремя людьми, знавшими Дуброва лично, он наконец вернулся к себе, выключил всю аппаратуру связи, запер двери коттеджа и вновь уселся за пустой стол. Пора было подвести какой-то итог. Знал он примерно следующее: месяц назад по неизвестной причине Дубров попробовал сок трескучки. Он этого не скрывал. Напротив, написал рапорт на имя председателя Совета. На основании этого рапорта его сочли больным и временно отстранили от работы.

О характере действия самого сока пока что выяснить не удалось ничего. У Ротанова сложилось впечатление, что колонисты упорно избегают разговоров на эту тему, словно между ними существовало некое тайное табу по поводу всего, что касалось трескучки. Следующий бесспорный факт — его личная встреча с Дубровым, во время которой тот заявил, что сок трескучек не наркотик, и отказался что-либо объяснить... Потом это ночное преследование и исчезновение Дуброва. Ротанов невольно поехал. Это было, пожалуй, самое необъяснимое место во всей истории с трескучками. Если бы не рюкзак с одеждой, он мог бы, пожалуй, поверить в собственные галлюцинации, наконец, в то, что Дубров стал временно невидимым. Но подобранная одежда делала эти предположения неправдоподобными, пришлось признать, что Дубров именно исчез, испарился, перестал существовать в данное время и в данной точке пространства и одновременно появился в какой-то другой точке. У себя в коттедже или, быть может, где-то еще?

Ротанов почувствовал, что впервые с начала расследования он наконец попал на какую-то действительно ценную мысль. Ценную потому, что потом ведь была еще картина с изображением Дуброва, и эта мысль помогала как-то состыковать оба этих невероятных факта. Парадоксальные факты требовали такого же объяснения. Если принять это как рабочую гипотезу, то следовало дальше предположить, что неизвестные художники полтора миллиона лет назад встречались именно с Дубровым... Ротанов почувствовал, как от одной этой мысли его лоб покрывается испариной. Если продолжать рассуждать в том же духе, то можно додуматься черт знает до чего... А тут еще эти тренажеры и вообще вся картина... Он тут же прервал себя: «Стоп. О картине пока не будем. Слишком мало данных. Не надо отвлекаться от Дуброва». Казалось, чего проще — встретиться с ним еще раз... А почему бы и нет? Почему не попробовать сказать человеку, что произошла ошибка, что его рапорт неверно поняли, что теперь ему верят и просят помочь? Даже если Дубров откажется, уже само по себе это будет значить немало. Тогда можно заняться второй версией, попытаться доказать, что под личиной Дуброва скрывается кто-то чужой... Пока для этого не было ни малейших оснований.

Еще раз перебрав в уме все доводы, взвесив все полученные заново факты, Ротанов наконец решил еще на одну попытку

откровенного разговора с Дубровым. Несмотря на поздний час, он потянулся к селектору. Теперь, когда в его мыслях появился намек на какой-то порядок, не хотелось ничего откладывать.

Экран селектора замигал желтым огоньком. Абонент не отвечал на вызов... И когда через полчаса без предупреждения к нему ввалился Крамов, он уже догадался, что опоздал, что встречи с Дубровым не будет.

— Дубров ушел...

В минуты сильного волнения Ротанов всегда говорил медленно, тщательно подбирая слова. Вот и сейчас спросил с расстановкой, нарочито спокойно:

— Он ведь и раньше самостоятельно покидал поселок. Может быть, сейчас?..

Крамов отрицательно покачал головой.

— Я думаю, теперь он не вернется обратно. Во всяком случае, пока...

— Пока я здесь?

Крамов кивнул.

— Почему вы это допустили? Как вообще это могло случиться?!

— Дубров свободный человек. Я не могу приставить к нему охрану. Для того чтобы лишить человека права на свободу поступков, необходимо решение Высшего Совета Земли.

— Не будьте формалистом, Крамов! Вы отлично знаете, о каких серьезных вещах идет речь. Вы не имели права выпускать его из поля зрения!

— Не видел в этом необходимости. Я верю Дуброву. Мне кажется, он знает, что делает.

Ротанову приходилось прилагать все больше усилий, чтобы не сорваться, не высказать Крамову всего, что он думал о его поведении в истории с Дубровым. Не имело смысла ссориться с этим человеком, единственным, на кого он мог здесь опереться.

— Почему вы решили, что Дубров не вернется?

— Он взял с собой полный рабочий комплект полевого снаряжения, месячный рацион, ну и еще кое-что...

— По крайней мере, из этого следует, что искать его нужно здесь, на Реане. — Ротанов мрачно усмехнулся. — Когда вы мне говорили, что с Дубровым все обстоит не так просто, что мне не удастся изолировать его, вы имели в виду именно это?

— Не только. Человек, попробовавший сок трескучки, становится уже не просто человеком. Во всяком случае, не простым человеком. Мне кажется, вы и сами это поняли.

— Да, кое-что я понял. К сожалению, без вашей помощи, — не удержался от упрека Ротанов. — Вначале вы умолчали о живых спороносителях, теперь чего-то не договариваете о Дуброве. Я ведь не к теще на блины приехал!

— Здесь наш дом. Наши дела. Земля далеко отсюда, а в своих делах мы разберемся сами. Вы здесь гость.

Ротанов отвернулся. Он с трудом подавил в себе гнев. Его полномочия на этой далекой планете стояли не так уж много. В основном они зависели от него самого, от тех взаимоотношений, которые складывались с колонистами. Почти никогда Ротанов не пользовался чрезвычайными правами инспектора, ста-

рался даже не напоминать о них. Вот и сейчас только одну-единственную вещь сказал он Крамову, не мог не сказать:

— Все мы здесь гости, Крамов. Все люди. И дом этот чужой. Мы даже не знаем, чей он. Подумайте об этом.

«Чтобы понять до конца — нужно испытать самому» — старая истина. Старая как мир. Ротанов сидел, опершись спиной о толстый ствол трескучки, как совсем недавно в этом самом месте сидел Дубров. Казалось, время сделало полный круг и вернулось к первоначальной точке. Только на месте Дуброва теперь сидел он сам... Капля за каплей сочился из пресса маслянистый, остропахнувший сок. Он не хотел рисковать и решил повторить все, что делал Дубров, во всех деталях. Другого пути у него попросту не осталось. Шестидневные поиски Дуброва не увенчались успехом. Конечно, он мог сообщить на Землю о своей неудаче, о том, что расследование, в сущности, зашло в тупик, что сюда необходимо выслать хорошо оснащенную экспедицию... Но пока она прибудет, цветение трескучек закончится и придется ждать еще восемь лет. К тому же в глубине души Ротанов не сомневался, что не количество исследователей и качество снаряжения определяют успех в поисках истины, что-то другое... может быть, умение принимать такие вот решения?

Все. Пожалуй, это последняя капля. С каждой секундой сок изменялся на воздухе, и он не знал, сколько времени он сохранит свои первоначальные свойства. Лучше всего не терять ни секунды. И все же он в последний раз перебрал в уме — не забыл ли чего на тот случай, если не вернется из этого нереального путешествия в никуда... В сейфе заперты его записи, выводы. Оставлено письмо Крамову с просьбой вскрыть сейф через неделю после его ухода... Еще что? Он неплохо экипирован, вооружен. Все необходимое в дальней дороге здесь с ним, в этом потрепанном вещмешке. Осталось поднести к губам пузырек... С чем? В том-то и дело... Двое погибли... Погибли или не вернулись, как Дубров? Чего-то Крамов не договаривает, но это теперь неважно. Скоро он все будет знать сам, без посторонней помощи.

Он говорил и говорил себе разные обыденные слова, пытаясь заглушить самый обыкновенный человеческий страх. Не раз ему приходилось рисковать жизнью в обстоятельствах гораздо менее значительных, но ни разу еще ошибка не стоила бы так дорого. Нелепая гайная смерть от растительного яда неземного растения... Что о нем подумают друзья? Поймут ли? Смогут ли оценить все обстоятельства, взвесить их так, как взвесил и оценил он сам? Или скажут, что действие наркотика непредсказуемо, и запретят людям подходить к этой роще? А может быть, и вообще закроют планету?.. Слишком многим он рисковал. Слишком многое ставил на карту. «Памятник тебе не поставят, это уж точно. Ну хватит. Довольно сантиментов!» — оборвал он себя.

У жидкости был резкий, ни на что не похожий вкус. Отдаленно она напоминала, пожалуй, смесь каких-то пряностей: ванили, корицы, еще чего-то знакомого, но забытого в детстве. В сле-

дующее мгновение Ротанова оглушила волна подавившего все ощущения тошнотворного запаха. И он не смог уловить момент, когда сознание полностью вышло из-под контроля и все заволокла серая непробиваемая пелена. Это была именно пелена, а не полный мрак, какой бывает, например, в анабиозе или под наркозом. Сквозь эту пелену Ротанов ощущал какое-то движение, словно мир вокруг него начал быстро вращаться. Или это вращался он сам? Таким ли бывает головокружение? Ему трудно было разобраться в своих ощущениях, потому что голова походила на ватный шар. Он почти полностью утратил способность анализировать и ощущать что-либо.

Следующим впечатлением, поразившим его своей определенностью, было сознание того, что в лицо ему бьет яркий солнечный свет. Он пробивался сквозь плотно зажмуренные веки и почти насильно вытягивал рассудок Ротанова из небытия. Несколько мгновений Ротанов лежал, не шевелясь и не открывая век. Прислушивался к своему телу. Сердце билось часто и мощно, словно он только что бежал в гору. Дышал он легко, не чувствуя никаких запахов. Потом он услышал звуки и поразился их количеству и разнообразию. Все его существо переполнила простая радость. Он жив. Жив!

Наконец он открыл глаза и понял, что лежит на чем-то отдаленно напоминающем траву. Со всех сторон его окружали яркие зеленые заросли, а прямо в лицо било утреннее солнце. Пожалуй, самым впечатляющим был именно этот мгновенный переход от ночи к ослепительному сияющему дню. Он еще не способен был анализировать происшедшее и мог только пощеничь радоваться солнечному свету и яркой зелени, укрывшей его со всех сторон, как в колыбели.

В следующую секунду Ротанов обнаружил, что сравнение с колыбелью пришло ему в голову отнюдь не случайно. Поскольку он был наг. Совершенно наг. Рывком протянув руку к рюкзаку, который должен был лежать рядом, он ничего не нашел. Даже трава не была примята. И так, в этот мир приходят нагими и безоружными... Он должен был догадаться об этом еще раньше, когда подбирал одежду Дуброва... Благодушное настроение мгновенно покинуло его. Он рывком сел, осмотрелся. Сидел он в чаще трескучек. Была примерно середина дня, и вокруг росли не те трескучки. Споронсы у них определенно казались выше и мощней, стебли толще и раскидистей. Кроме того, между их корней не гулял ветер, выдувая пыль и песок, как это было на Реане. Здесь все оплела собой пружинистая трава, какие-то незнакомые кусты. Уцепившись за ствол, Ротанов поднялся на ноги. Прямо перед ним, буквально в десятке метров, заросли пересекала дорога. Самая обычная сельская дорога, не покрытая ничем, кроме пыли.

«Вообще все не так уж плохо, — успокоил он себя. — Ты очутился там, куда стремился. Конечно, без снаряжения, одежды и запаса пищи долго здесь не прогнешь... Нужно срочно что-то предпринимать. Прежде всего необходимо одеться». Он вспомнил стереофильм о древних дикарях, которые прекрасно обходились пальмовыми листьями... Правда, здесь нет пальм, но на первое время сойдут листья трескучек. Он сплел из них что-то вроде набедренной повязки. Получилось не очень красиво, зато проч-

но. Солнце припекало так сильно, что до вечера вполне можно было обойтись и такой одеждой. Покончив с этим, Ротанов вышел на дорогу. Буквально через сто метров заросли кончились и перед ним открылся холм, на который взбиралась дорога. На самой его вершине темнели знакомые крепостные стены. Сомнений больше не осталось: он попал в мир, изображенный на картине рэнитов. И хотя он ждал чего-то подобного, оглушение от этого открытия не стало меньше.

К стенам замка ему удалось подойти скрыто, прячась в густых зарослях, вползавших на самую вершину холма. Колючки жестоко царапали его незащищенную кожу, но это приходилось терпеть. Он должен был соблюдать осторожность. Чем ближе пробирался он к замку, тем больше признаков говорило о том, что древнее строение обитаемо. Дымок над крышами, следы повозок, наконец, запах хлеба, долетавший с задних дворов. Строение трудно было назвать замком. Это был скорее ряд жилых построек, защищенных мощной высокой стеной. Еще издали Ротанов понял, что стену строил архитектор, хорошо усвоивший законы пропорций. Причем, это был именно архитектор, а не военный инженер. Северным крылом крепостная стена вплотную примыкала к скальному выступу, с которого осаждающие в случае необходимости могли бы легко перебраться лестницы и помосты. Но были ли осаждающие в этом диком краю? А если не было, то к чему строить такую мощную стену?

К замку вела одна-единственная дорога, и, пока Ротанов пробирался в зарослях, он не замечал на ней никакого движения. Заросли, наполненные криком невидимых птиц, жили своей собственной жизнью. В них не было ни малейших следов деятельности человека.

Наконец Ротанов очутился у самой стены. Она была сложена из массивных каменных блоков, размер которых внушал невольное уважение. Поверхность камня, обращенная наружу, оказалась почти не обработанной, и грубые выбоины позволяли, цепляясь за неровности, подняться довольно высоко, может быть, до самого верха... Еще одна небрежность строителей? Ротанов не решился испытывать судьбу. Взбираясь на стену, он стал бы отличной мишенью для охранников в угловых башнях, если там были охранники. Ему показалось разумней подняться на вершину скального выступа, с которого наверняка откроется вид на внутренний двор замка.

Почти целый час Ротанов пролежал на вершине скалы, разглядывая пустой двор. И за все это время он не заметил в замке ни малейшего движения. Ничего не стоило перебраться на стену и спуститься во двор. Но он пришел сюда как гость и не хотел придавать своему визиту сомнительный характер. В конце концов существовали ворота. Те, кто построил этот замок, вряд ли сильно отличались от людей.

Ворота, сбитые из стволов трескучек, оказались заперты. Но снаружи имелось огромное металлическое кольцо из какого-то красноватого металлического сплава. Ротанов взялся за него и несколько раз дернул. Внутри гулко отозвался колокол, и через минуту ворота неторопливо поползли вверх, открывая вход.

Внутренний двор оказался совсем небольшим. Сверху он вы-

глядел иначе. Едва Ротанов переступил порог, как ворота с грохотом опустились за его спиной. На стене главного здания возвышался балкон, красиво украшенный резными балюстрадами. Прежде чем Ротанов решил, что делать дальше, дверь на балконе распахнулась, и четыре мужские фигуры, одетые в свободные плащи темного цвета с синей и золотой оторочкой, вышли на балкон и остановились, молча разглядывая Ротанова.

Текли секунды, никто не шевелился. Казалось, прошла целая вечность в немой неподвижности. Ротанов жадно вглядывался в их лица. Это были человеческие лица. И они были совершенны, словно их всех четверых изваял один и тот же скульптор. Больше двух метров роста — настоящие великаны. У того, что был выше всех, волосы серебрились на солнце. Ни волнение, ни любопытство не отражались на лицах, словно они и впрямь были статуями. В конце концов Ротанов почувствовал беспокойство. Так не встречают гостей. Во всяком случае, так их не встречают люди...

И вдруг он словно бы посмотрел на себя их глазами. Полуголый, исцарапанный дикарь в набедренной повязке стоял во дворе... Зачем он пришел, откуда, что ему здесь надо? Не эти ли вопросы скрывались сейчас за их бесстрастными лицами? Только теперь он ощутил всю невероятную сложность первого контакта.

И вдруг, разрушая его сомнения, ясный и громкий голос на чистейшем интерлекте, на котором вот уже два столетия разговаривали все народы Земли, спросил:

— Кто ты такой?

Это было настолько неожиданно, что Ротанов произнес первые пришедшие в голову слова:

— Я человек с планеты Земля.

Прозвучало это торжественно и нелепо.

— Мы знаем. Твое звание и имя?

— Вы знаете интерлект. Откуда? — Они не ответили.

И сразу же Ротанов почувствовал, каким непростым будет этот разговор... Инспектор внеземных колоний обязан уметь быть дипломатом, и он ничем больше не выдал своего волнения.

— Вы можете считать меня представителем правительства Земли. Я осуществляю контроль за внеземными поселениями, созданными людьми.

Ему очень мешало отсутствие одежды и этот дурацкий балкон, возвышавший собеседников настолько, что ему все время приходилось задираТЬ голову. То ли акустика во дворе была такой, то ли голос говорящего был чрезмерно громок, но его буквально оглушали величественные раскаты, несущиеся с балкона. Долгая дорога через заросли утомила Ротанова, солнце жгло исцарапанную кожу, пот заливал глаза. Все это были не очень подходящие условия для первого дипломатического контакта с иной цивилизацией. «Ничего, обойдешься, — сказал он себе. — Ты сам заварил эту кашу. И если сейчас провалишь дело, тебе этого никогда не простят. Да и сам ты себе этого не простишь, так что держись и смотри в оба».

Стоявшие на балконе о чем-то переговаривались между собой. Сейчас до Ротанова не долетало ни звука, словно во дворе вык-

лучили громкоговоритель. Но вот самый высокий мужчина обернулся, и вновь над Ротановым загремел голос:

— Зачем ты пришел к нам?

— Я ищу землянина. Его зовут Дубров. Валерий Дубров.

— Его нет здесь.

— Но он был у вас?

— Был и ушел.

Как эхо отдались эти слова в голове Ротанова. Значит, все напрасно? И вдруг подумал, что погоня за Дубровым постепенно превращается для него в самоцель. Но разве он сам не может попытаться раскрыть загадку Реаны? Теперь, когда он здесь, в далеком прошлом этой странной планеты, он должен сам пройти весь путь без посторонней помощи.

— Чего еще ты ждешь? — прервал его мысли голос с балкона.

— Я хотел бы получить информацию... — Слово прозвучало отчужденно, оно не отражало того, что он хотел сказать.

— Я хотел бы получить знания, — поправился Ротанов.

— Мы не раздаем наших знаний. Они стоят дорого.

— Земляне не станут торговаться. Мы предоставим в обмен знания и открытия, сделанные людьми.

— Мы не нуждаемся в них. Мы не знаем, что делать с собственными.

— В таком случае мы найдем, чем заплатить. Человечество достаточно богато.

— Никакие материальные ценности нельзя пронести сквозь время. Все ваши богатства здесь не имеют цены.

— Что же вы цените в таком случае?

— Только труд. Ты согласен трудиться в обмен на знания?

— Что именно я должен буду делать?

— Все самое необходимое. Ковать железо, возделывать землю, ткать, ухаживать за животными.

— В таком случае я хотел бы знать цену.

— Цена стандартна. Год работы за час.

— За час чего?

— За час ответов на любые вопросы, которые ты сумеешь задать.

Год работы... Совсем недавно он готов был заплатить за это жизнью.

4

Комната, отведенная Ротанову, оказалась светлой и чистой. Хотя и совсем небольшой. В ней помещался грубо сколоченный топчан, накрытый кошмой. Столь же грубо сделанный стол с табуретом, на вешалке висела толстая полотняная рубаша и что-то вроде рабочего комбинезона. Дверь за ним закрыли, но Ротанов не слышал ни скрежета засова, ни шелчка замка... Как только стихли шаги сопровождавшего его рэнита, он попробовал открыть дверь. Она легко поддалась его усилиям, и он вновь увидел коридор, ведущий во двор. Ну что же, по крайней мере, рэниты сразу же начали выполнять одно из условий договора:

он совершенно свободен и в любую минуту может покинуть замок.

Успокоившись на этот счет, Ротанов более подробно исследовал комнату. На топчане в кошме образовалась вмятина, формой напоминавшая человеческое тело. Он измерил примерный рост того, кто лежал до него на этой постели. Рэниты были выше...

Воды и пищи ему не предложили, очевидно, здесь это сначала нужно заработать, а возможно, просто еще не наступило время трапезы. Он сел за пустой стол и задумался. Все говорило о том, что здесь до него жил другой человек. Эта вмятина на топчане, потертости на рубашке, словно специально сшитой на рост землянина.. Но в таком случае должен быть и более явный след. Он сам, прежде чем покинуть эту комнату, наверняка захотел бы оставить здесь хотя бы знак о своем пребывании... Где-нибудь в таком месте, чтобы он не сразу бросался в глаза и в то же время так, чтобы его можно было обнаружить... Человек часто садится за стол... Он осторожно опустил руку и провел ладонью с внутренней стороны. Вскоре пальцы нащупали неровные царапины. Ротанов опустился на пол и прочел выцарапанные острым предметом две буквы: «В. Д.». Но почему только эти буквы? Не захотел написать больше, или не смог, или не надеялся, что эта надпись найдет адресата?

Ну что же... Очевидно, ответы на все вопросы ему придется искать здесь самому.

Ротанов прилег на койку, чувствуя, как каменная усталость этого невероятного тяжелого дня навалилась на него. Но сон не шел, в голове продолжали прокручиваться события этого дня, он вновь видел себя в роще трескучек, держал в руках пузырек с жидкостью, которая могла оказаться обыкновенным ядом. Вновь лежал в зарослях незнакомого мира, входил в ворота замка... Разговаривал с рэнитами. Он почти не сомневался, что встретил именно рэнитов и заключил с ними первый в истории человечества договор о сотрудничестве. Нет, первым наверняка был Дубров... Возможно, были еще и те, кто не вернулся отсюда... Вот откуда они знают интерлект...

Кто же они такие, рэниты? Торговцы знаниями? Случайно попавшая на Реану экспедиция? И как могут сочетаться высокие знания, о которых они говорят даже с некоторым пренебрежением, со всей этой примитивной жизнью, натуральным хозяйством, тяжелым физическим трудом?.. Он не сумел додумать мысль до конца, потому что каменный сон наконец сковал его.

Ему казалось, что проснулся он почти мгновенно, но по тому, как сильно сместилось к закату солнце, понял, что прошло не меньше трех часов. Он чувствовал себя бодрым и отдохнувшим, правда, есть хотелось еще сильнее и по-прежнему мучила жажда. С этим нужно было что-то решать. Едва он встал с твердым намерением заняться поисками пищи и воды, как над замком проплыл глубокий мелодичный звук. «Гонг или колокол... Может быть, это и есть сигнал к ужину?» — Ротанов натянул рубаху, вышел.

Пустой двор, пустая лестница... Тяжелая двустворчатая дверь, ведущая во внутренние покои замка, оказалась гостеприимно распахнутой. Ротанов не стал ждать специального приглашения

и вошел. Здесь было что-то вроде центрального зала для приемов или трапезной. В центре зала стоял длинный обеденный стол, накрытый к ужину. Четверо знакомых рэнитов молча сидели у своих приборов. Ротанов скромно присел на свободное место. Никто не произнес ни слова и никак не реагировал на его появление. Все продолжали молча и неподвижно сидеть на своих местах, не прикасаясь к пище. Несмотря на мучивший его голод, Ротанов не стал нарушать приличий и терпеливо ждал вместе с хозяевами, только осторожно втянул носом воздух, стараясь по запаху определить, насколько съедобны местные блюда.

Кого же все-таки они ждут? От запаха пищи Ротанов испытывал мучительные спазмы в желудке. Пахло довольно аппетитно, чем-то вроде вареного гороха. Большой медный поднос в центре стола наполнял зеленоватое пюре явно растительного происхождения. «С этого я и начну», — решил Ротанов. Он уже собрался, игнорируя приличия, положить себе на тарелку этого самого пюре, как вдруг все поднялось. В дальней стороне зала открылась внутренняя дверь, и в комнату вошла женщина. Ротанов забыл о еде. Он узнал ее сразу же, с первого взгляда. Ее и невозможно было не узнать. Там, на картине, огромный до висков разрез глаз казался ему художественным преувеличением. Но глаза и на самом деле были такими. Если не считать этих огромных глаз, во всем остальном ее лицо было той правильной, старинной формы, какими рисовали иногда древние художники лица своих богинь...

Неожиданно для себя Ротанов обнаружил, что все еще стоит, в то время как все остальные давно уже начали ужин, не обращая на него ни малейшего внимания. Женщина ни разу не взглянула в его сторону, впрочем, она вообще ни на кого не взглянула. Не сказала даже обычного, принятого за столом приветствия. Станным казался этот ужин в немом молчании. Может быть, между рэнитами существовали какие-то другие средства общения, кроме звукового языка? Иногда они обменивались острыми, едва уловимыми взглядами, и это было все.

Несколько раз, невольно забываясь, Ротанов вновь и вновь любовался лицом рэнитки. Ее движениями, одеждой. Тяжелые распущенные волосы перехватывала чуть выше лба массивная, из чеканного серебра, диадема, в самом центре которой, отражая блеск светильников, недобрым алым пламенем вспыхивал драгоценный камень. От всего облика женщины веяло какой-то древностью, словно вся она вместе с диадемой была отчеканена из старинного, потемневшего от времени серебра. Такими бывают только подлинные произведения искусства. Иногда Ротанову казалось, что он и в самом деле любитесь лицом статуи — до такой степени рэнитка оставалась равнодушной к его откровенному разглядыванию.

Рэниты определенно как-то общались между собой. Оказывали друг другу за столом мелкие услуги. Ротанова же просто никто не замечал. Вокруг него словно образовался некий вакуум. Так, наверное, чувствовал бы себя слуга в далеком феодальное время, если бы за какую-то услугу ему разрешили сесть за один стол с господами.

Ошутив укол уязвленного самолюбия, Ротанов поспешил закон-

чить трапезу и первым покинул обеденный зал. И опять никто не остановил его, хотя, возможно, следовало остаться и хотя бы убрать за собой посуду.

За столом никто не прислуживал. Похоже, в замке вообще не было слуг. Но не могли же эти пятеро сами вести все натуральное хозяйство замка? Одевать и кормить себя, лечить и развлекать, и долгие годы оставаясь в тесном замкнутом кругу, так равнодушно принять нового члена их сообщества! Чего-то он здесь определенно не понимал.

Прошло две недели, однако за это время он так ничего и не узнал о загадочных существах, бок о бок с которыми прожил все это время. Они действительно вели натуральное хозяйство. Работали не покладая рук с утра до вечера, но Ротанову редко удавалось видеть, как они это делали. С ним общались по мере необходимости и всегда давали дневное задание там, где не работал ни один из рэнитов. Вечером у него принимали дневную работу и давали задание на следующий день. Во время традиционного ужина он мог сколько угодно пялить глаза на прекрасную, как статуя, рэнитку — этим все его контакты с рэнитами и ограничивались.

Он рассчитывал, что вне замка найдет какие-то следы, проливающие свет на загадку появления рэнитов на этой планете в далеком прошлом. Кроме того, его интересовали трескучки. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: здесь встречаются виды и формы, которых он никогда не видел на Реане... Не с ними ли связана загадка обратного перехода? Тем более неплохо было бы заранее подготовить себе дорогу к возвращению без помощи рэнитов. Одним словом, он решил предпринять экспедицию за пределы замка.

Ротанов закинул за плечи котомку с небольшим запасом продуктов, флягу с водой и грубое подобие ножа: приличное лезвие он так и не сумел выковать. С некоторым волнением он вышел за ворота, ежеминутно ожидая оклика и приказа вернуться. Однако его никто не окликнул. Вскоре дорога сделала поворот, и замок скрылся из виду.

Прежде всего Ротанов решил осмотреть место, в которое попал при переходе. Он хорошо помнил карту Реаны и сейчас безошибочно установил, что планета та самая, что никакого пространственного «сдвига» не было и, каким бы невероятным это ни казалось, оставалось лишь одно правдоподобное объяснение: он попал в прошлое Реаны, очевидно, в то самое прошлое, когда была нарисована картина. Полтора миллиона лет отделяло его теперь от людей. Человеческая цивилизация на Земле еще не успела родиться... Его воображение не способно было вместить тот гигантский отрезок времени, через который легко, почти буднично, перебросили его вот эти странные зеленые растения... Да полно, растения ли они? Может быть, нечто гораздо более сложное, нечто такое, с чем людям еще не приходилось сталкиваться?..

Взобравшись на ближайший холм, он осмотрел рощу трескучек сверху и вдруг с удивлением заметил, что в сплошном океане зелени, затопившем планету, знакомая ему реановская роща сохранила свои прежние границы. Впечатление было такое, будто кто-то специально укоротил растения, подстриг их вершины

гигантскими ножницами с одной-единственной целью — обозначить границы зеленого острова, сохранившегося в песках Реаны через полтора миллиона лет. Кто и зачем мог это сделать? Спустившись в рощу, Ротанов, к величайшему своему удивлению, установил, что стебли растений вовсе не были срезаны. На определенной высоте они постепенно становились невидимыми. Ротанов вспомнил один из отчетов, в котором говорилось, что трескучки на Реане не имеют корней... Здесь корни были в наличии, зато не имелось цветов и плодов... Впрочем, нет... Это не совсем так, потому что цветы в виде огромных трескучих погремушек здесь тоже были, но только за той границей, где кончалась роща, сохранившаяся на Реане в далеком будущем... Во всем этом была какая-то неясная ему закономерность. Ротанову казалось, что вот сейчас, в эту самую секунду, он поймет нечто очень важное. Известные факты уже сами собой выстраивались в некую еще не совсем ясную систему: «Нет корней в будущем, но зато они есть здесь, в прошлом. Никто никогда не находил настоящих плодов трескучки. Споры — это не плоды, все слышали о легендарном семени трескучки, но никто его не видел...»

И в эту самую секунду, когда, казалось, он уже ухватил убегающую мысль, прямо над головой с оглушительным грохотом лопнул зрелый споронос. Лавина спор хлынула на землю и покрыла ее толстым темным ковром. Буквально в двух шагах от него лежал этот толстый шевелящийся ковер. Казалось, упав на землю, он все никак не мог успокоиться. Заинтересованный Ротанов подошел ближе. У него на глазах происходило образование живого спороносителя. Все споры теперь стянулись в тугую плотную массу, напоминающую разлитую по земле ртуть. Она была так же подвижна и, очевидно, так же тяжела. Постепенно из нее наверх начал медленно расти какой-то предмет. Но это не был знакомый и безобидный гребешок: что-то другое, достаточно грозное в своей неожиданности, обрело жизнь, становилось выше, массивнее. И вдруг он понял, что это такое... Это была голова, состоящая из одних огромных челюстей! Он видел, как пасть распахнулась и из челюстных дуг полезли наружу два ровных ряда острых как кинжал зубов...

Вскоре голова сформировалась полностью. Она была огромна и походила на голову ископаемого ящера. Приподнявшись на толстой и мощной шее, голова уставилась на Ротанова пустыми глазницами, словно оценивая противника. Их разделяло не больше трех метров, достаточно было одного броска мощной и гибкой шеи, чтобы челюсти сомкнулись в смертельной хватке. Он представил, какой жалкой щепочкой окажется для этого монстра его самодельный нож. Медленно, осторожно, как это делает охотник с незаряженным ружьем, повстречавший разъяренного медведя, он сделал шаг назад. Голова осталась неподвижной, только чуть повернулась в его сторону и медленно сомкнула челюсти, словно пробуя их подвижность. В этот момент порыв ветра налетел на Ротанова сзади. Очевидно, его запах ударил в ноздри чудовищу. Голова сморщилась, словно собиралась чихнуть, и вдруг опала, растворилась в темном озере спор, только что родившем ее. Почти сразу же из него один за другим стали выплывать, как цыплята из яйца, уже знакомые

Ротанову треножки живых спороносителей. Они тут же разбежались в разные стороны и исчезали в зарослях.

Через несколько минут ничто уже не напоминало о происшедшем. Потрясенный Ротанов достал флягу с водой и смочил пересохшее от волнения горло. Потом тяжело опустился на песок рядом с тем местом, где только что раскачивалась, грозя ему гибелью, голова чудовища. Песок в этом месте казался нагретым. Ротанов набрал его полную пригоршню и медленно пропустил между пальцев.

Так что же произошло? Вначале чудовище явно собиралось атаковать. «Стоп, — тут же остановил он себя, — какое это не чудовище, это часть растения, у него нет ни своей энергии, ни органов для ее выработки. Значит, энергию и соответствующие команды масса спор получала от своего родителя...» Ротанов задумчиво смотрел на толстый ствол растения с разорванным спороносом. Свесившись набок, он сейчас еще больше походил на белый колокол... «Что же ты такое? — тихо спросил Ротанов. — Твои корни уходят в глубокое прошлое. Они растут здесь за миллион лет до того времени, когда распускаются колокола цветущих спороносов... Только в неведомом будущем образуются плоды — оттого никто и не находил легендарного семени трескучек... Растение, подчинившее себе время или приспособившееся к его течению настолько, что время стало не властно над ним? Его сок, проникая в живые клетки человеческого тела, способен перенести их хозяина в далекое прошлое, к самым истокам... Так растение ли это, или нечто значительно более сложное и, может быть, даже более важное, чем найденные им в прошлом остатки рэнитской цивилизации?»

И вдруг Ротанов понял: ничто ему не грозит в этой роще. Трескучки прекрасно могут отличать врагов от друзей, а он пока что не сделал ничего такого, чтобы стать врагом этих существ. Здесь у трескучки наверняка есть враги. За одного из них его и приняли вначале. Ротанову вдруг стала понятна толщина и высота стен замка...

На этот раз дром был огромен. В два раза больше предыдущего. Четыре гибкие лапы мелькали так быстро, что отдельных движений не было видно. Над ними возвышались массивные челюсти, утыканные острыми как кинжал зубами. Вельда знала, что ей не уйти, Джар, везущий ее повозку, устал, к тому же он не боялся дрома и не очень спешил. Всего несколько метров отделяло ее от дрома, она видела, как аспидным блеском отливают его широкие черные клыки. В распахнутой пасти не было ни языка, ни глотки, их и не должно было быть. Дром охотился не ради пищи. Вельда изо всех сил хлестнула Джара, но было уже поздно. Дром вытянулся и в последнем броске дотянулся до повозки. Его тяжелые челюсти сомкнулись на ободке колеса. Оно хрустнуло, и во все стороны полетели обломки, повозка накренилась на один бок и остановилась. От резкого толчка Вельда вылетела из нее, откатилась к обочине. Дром, занятый повозкой, не обращал на нее внимания. Она видела, как он в ярости крошит дерево, рвет сыромятные ремни креплений, словно повозка была

живым существом. Освободившись от упряжки, Джар мирно пасся в двух шагах, не обращая на дрома ни малейшего внимания. Вельда знала, что теперь у нее оставалось всего несколько секунд. Покончив с повозкой, дром в любом случае настигнет ее. У него не было глаз, но он хоршо улавливал запахи. Повозка пахла ее телом и именно поэтому вызвала в дrome такую ярость. Вельда вскочила на ноги и бросилась к зарослям ары. Отчаяние придало ей силы. Но дром уже приподнял свою тяжелую, словно выкованную из стали голову и устремился за ней. Она не заметила, как из зарослей вышел человек. Увидела его уже рядом, когда он оттолкнул ее и встал перед дромом.

Дром почувствовал запах человека, продолжал бежать, но что-то в его движениях изменилось. Угловатые формы начали вдруг округляться. Он словно стал ниже. Тяжелая голова опустилась и как будто смазалась. В какую-то долю мгновения хорошо приспособленное к разрушению тело превратилось в простое облако пыли. Инерция ее массы все еще была велика, и Ротанов почувствовал хлесткий удар в грудь. Потoki сухого темного песка стекали по его плечам и образовали под ногами широкое темное пятно. Рискованная проверка, но у него не было другого выхода... Главное — он не ошибся. Дромы не его враги... Только теперь Ротанов позволил себе взглянуть на девушку. Волосы, заплетенные в несколько мелких косичек, отсутствие всяких украшений, простая запыленная одежда. Ничто не напоминало надменную хозяйку замка, разве только глаза... Ротанов нагнулся, протянул ей руку и помог встать на ноги. Она оказалась одного с ним роста, и он с удовольствием почувствовал, какой сильной и гибкой оказалась ее рука. Несколько секунд она ее не отнимала, и они стояла рядом, разглядывая друг друга. Наконец она отняла руку, неловким жестом отряхнула с одежды пыль и вдруг лукаво, совсем как земная девчонка, улыбнулась. Улыбка была такой мимолетной, что Ротанов замомневался, не почувдилась ли ему она. Потом рэнитка произнесла несколько слов на певучем непонятном языке, прижала к груди левую руку и чуть наклонила голову. Прежде чем уйти, девушка показала на себя рукой и сказала:

— Вельда, Арона ла.

Ротанов церемонно кивнул головой и представился сухо, как на официальном приеме:

— Ротанов.

— Ролано? — переспросила девушка.

Ротанов молча кивнул. Пусть будет «Ролано», какая разница...

Ротанов долго еще смотрел ей вслед, потом нашел в кустах кетмень и пошел заканчивать выделенную ему в качестве дневной нормы делянку.

Вернувшись после ужина в свою комнату, Ротанов, не раздеваясь, лег на топчан. Прошел почти месяц с того момента, как он появился в замке. Мышцы от физической работы окрепли, и он уже не чувствовал, как вначале, отупляющей усталости. Теперь у него оставались силы и время, чтобы лучше изучить мир, в котором он очутился. Он собирал образцы пород, описы-

вал новые виды растений, уходил довольно далеко от замка, уделял основное внимание зарослям трескучки, раскинувшимся на многие десятки километров вокруг. Никто ему не препятствовал, никто не вмешивался в его дела. Лишь бы он выполнял дневную норму работы... Первое время его это вполне устраивало. Но сегодня вдруг навалилась тяжелая, гнетущая тоска, скрутила его, лишила всякого желания продолжать начатую работу. Он вспомнил причину, вызвавшую приступ ностальгии именно сегодня, но это мало помогло. Во время ужина девушка, которую он спас, не взглянула на него ни разу.

Но, видимо, была еще и другая причина для тоски. «Командировка, — утешал он себя, — это просто такая командировка...» Но из командировки можно вернуться. Из любой, самой дальней экспедиции в конце концов возвращаются. А отсюда? В том-то и дело, что этого он не знал. Дубров умел возвращаться. Он надеялся найти здесь Дуброва и вернуться с ним вместе, но не нашел. Он заключил с рэнитами странную сделку с одной-единственной целью — узнать о них побольше, наладить обычный человеческий контакт. Но ничего не добился. Кому нужны все эти минералы, образцы растений, описания животных, давно ставших палеонтологическими курьезами? Разве что его открытия, связанные с трескучками, имеют настоящую цену, но их еще нужно проверить, а главное — надо суметь донести эти данные до Земли... Рэниты ему в этом не помогут. На какое взаимопонимание можно рассчитывать, о каком контакте может идти речь с существами, лишь внешне похожими на людей? Не способных испытывать простого чувства благодарности, сумевших отгородиться от него стеной ледяного безразличия... Сегодня он спас девушку от верной гибели, он сделал это совершенно рефлекторно, как сделал бы на его месте любой землянин. Он не нуждался в ее благодарности. Но и привычного ледяного молчания за ужином не ожидал. Не ожидал, что она вновь превратится в надменную аристократку, увешанную драгоценностями. А он в своей запыленной и изодранной рабочей одежде вновь почувствует себя в обществе рэнитов существом низшего разряда. Он валялся на топчане и думал, какой замечательный человек Крамов и насколько секретарь Председателя колонии на Реане симпатичнее этой надменной рэнитки. Он лежал и убеждал себя в том, что огромные глаза, если разобратся в этом получше, попросту безобразны, и вдруг заметил на столе маленький листочек бумаги, которого не было раньше...

5

Небо здесь казалось черней, звезды крупнее и ближе. Фиолетовый огрызок луны висел у самого горизонта. словно кто-то посадил на небосводе огромный синяк.

Ночью холод легко пробирался под тонкую одежду, и Ротанов продрог, ожидая на площадке башни назначенного в записке часа. Наконец вдали на стене мелькнула белая фигура. Женщина приближалась медленно, вся закутавшись в толстое белое полотно. И все же даже сквозь эту скрадывающую движения одежду он угадывал, как величественна ее походка, как гордо

откинута под капюшоном голова. Еще издали он заметил у нее в волосах сверкающую рубиновым огнем диадему.

Рэнитка остановилась от него в двух шагах, откинула капюшон, ее длинные волосы, чуть окрашенные кровавым светом камня, свободно заструились по плечам. Очень долго они стояли рядом совершенно молча, словно погрузившись в ночное безмолвие, в эту мертвую нереальную ночь. В ночь, которая прошла полтора миллиона лет назад.. Ротанов не мог поверить, что это та самая женщина, которая везла в повозке мешки с зерном и которую он спас не далее как вчера... Ему казалось, с тех пор прошло много лет.

Снизу от подножия крепостной стены долетел странный режущий сердце звук, словно кто-то провел ножом по камню. Звук повторился еще и еще раз. Кто-то огромный ворочался внизу во мраке у их ног и кромсал, грыз камень.

— Это дромы. Сегодня их ночь. Они приходят из леса и грызут стены. Когда-нибудь они доберутся до нас и отомстят за все...

Женщина говорила медленно и печально, ее лицо оставалось странно неподвижным, невыразительным, точно слова, которые она произносила, не имели к ней ни малейшего отношения. Ротанова поразило, что она свободно говорит на его языке. Слово угадав его мысли, женщина пояснила:

— У нас не принято разговаривать с чужеземцем на его языке. Но закон иногда нарушают.

— Да, я знаю, — сказал Ротанов. — Чтобы очутиться здесь, мне тоже пришлось нарушить закон.

И снова они надолго замолчали. Луна наполовину спряталась за горизонт, сместились на небосклоне ночные созвездия, а Ротанов все стоял неподвижно, не чувствуя холода, и всматривался в черты ее лица, словно хотел запомнить их навсегда...

— Почему ты ничего не спрашиваешь? Люди любят задавать вопросы, много вопросов...

— Я хотел бы задать лишь один. За что дромы так ненавидят вас?

Женщина отступила на шаг, словно отшатнулась, и присела на край холодной каменной балюстрады.

— Ты умеешь выбирать вопросы. Чтобы ответить, мне придется рассказать тебе все. Не знаю, поймешь ли, но все равно слушай...

Она говорила медленно, тщательно подбирая слова, словно проверяя их цену. Ночь сомкнулась вокруг них еще плотнее, еще мохнатей и холодней стали далекие созвездия. Ротанову казалось, что он не слышит слов, что он сам приближается к только что открытой планете на гигантском корабле рэнитов...

— Нас было двадцать человек, два клана, мы летели быстро, как свет...

...Они летели со скоростью, близкой к скорости света, и время для них замедлялось. За многие годы они преодолели гигантское расстояние. Пока длился полет, на их родной планете прошли тысячелетия. И все же они собирались вернуться, увидеть родных и близких, принести добытые экспедицией знания своему поколению. Их ученые придумали хитроумную шту-

ку. В конце полета они находили необитаемую, безжизненную планету, сажали на нее корабль и потом с помощью хронара отбрасывали это небесное тело вместе с кораблем в далекое прошлое, в точно рассчитанную точку четвертого временного измерения. Планета, поглотив гигантский разряд энергии, накопленный в хронаре, полностью выпадала из настоящего времени, отбрасывалась в далекое прошлое. Корабль стартовал из этой временной точки к родной планете и возвращался в то время, из которого вылетал... Всю эту операцию проделывали с высокой точностью. Две предыдущие экспедиции с помощью хронара возвратились через месяц после вылета и привезли ценнейшие сведения о дальних окраинах галактики. Казалось, ничто не предвещало неудачи четвертой экспедиции.

Они опустились на Реану примерно за пятьсот лет до того, как туда прилетели люди. Корабль рэнитов сел в северном пустынном полушарии...

— Тогда оно не было пустынным, тогда там кипела жизнь.

— В северном полушарии нет никакой жизни! Там кратеры, следы извержений и мертвая пустыня!

— Это не извержения... Наши правила запрещали использовать для хронара планеты, на которых есть жизнь. Но поблизости не оказалось звезд с другими планетными системами. Топлива оставалось в обрез, только на обратный бросок... Мы хотели вернуться домой...

— И решили погубить планету...

— А что бы люди сделали на нашем месте?

— Не знаю, — признался Ротанов. — Этого я не знаю...

— Мы решили не сразу. Долгое время изучали планету, старались узнать, может ли здесь возникнуть разумная жизнь. И ничего не поняли, как выяснилось потом... Наши ученые установили, что на планете преобладает один вид растений. Мы называли их белыми шарами. Этот вид подавил развитие всей остальной биосферы, каким-то образом подчинил ее себе. Ископаемые остатки этих растений полностью совпадали с их современным видом. Ученые решили, что бросок во времени в полтора миллиона лет почти ничего не изменит в жизни планеты... Когда очень хочешь получить определенный результат, всегда находится подходящая научная теория... — В голосе женщины звучала неподдельная горечь. — Я одна была против, я говорила, что они недооценивают местную биосферу, что белые шары не простые растения, что может произойти несчастье... Никто не прислушался к моим доводам. Хронар был подготовлен, и в точно назначенный час его включили...

Вельда надолго замолчала. Смолк и визгливый звук внизу, словно невидимое в темноте животное прислушивалось к разговору людей. Потом кто-то большой протопал вдоль стены и за ним засеменяли чьи-то мелкие чожки.

— Теперь они будут пробовать с другой стороны и так каждую ночь, пока цветут шары...

— Что произошло потом?

— Потом случилось несчастье... Мы до сих пор не знаем, как именно это им удалось. Корни этих растений уходят в глубокое прошлое, в настоящем расцветают их цветы, те самые, что зовутся у вас белыми колоколами, и лишь в далеком бу-

душем вызревают иногда плоды, содержащие в себе тайну бессмертия...

— Что случилось с планетой?!

— В момент импульса хронара включилось противоположно направленное, временное биополе планеты. Чтобы противостоять импульсу хронара, энергия его должна была быть огромной, растянутой во времени и точно рассчитанной... Очевидно, не во всех точках им удалось полностью погасить энергию импульса, начались разрывы пространства, извержения вулканов, планетный катаклизм захватил все материки, но планета уцелела, осталась в настоящем. Правда, они сами почти все погибли...

— Не все, — тихо прошептал Ротанов. Но она услышала.

— Да, уцелела одна маленькая рощица, но и она вымирает. Пустыня наступает на нее со всех сторон. За последнее столетие не прижилось ни одного нового растения, а старые постепенно погибают, кольцо пустыни смыкается вокруг них, и вскоре на планете, которую они отстояли ценой своей жизни, останутся одни пустыни. — Она помолчала, потом тихо продолжала: — Почва расплзлась, превращалась в грязь, затопляла целые материки... Мы ничего не могли сделать. К тому времени нас уже не было на планете. Вернее, не было в ее настоящем... До сих пор мы не знаем, виноват в этом импульс нашего хронара или это биополе планеты зашвырнуло нас в прошлое, которого мы хотели добиться такой дорогой ценой.

— Вы пришли в этот мир голыми и безоружными, — тихо проговорил Ротанов.

— Да, все снаряжение, оборудование, наш корабль — все это осталось на северном материке, на том самом, где катаклизм достигал наибольшей силы. Видимо, там произошел чудовищный взрыв. Не сохранилось ничего, даже пыли...

— И тогда появились дромы...

Она молча кивнула. Даже в неверном красноватом свете камня он заметил слезы, стоящие у нее в глазах.

Он отошел в сторону, отвернулся, чтобы не видеть ее лица и не мешать ей плакать... Ночь, казалось, придвинулась еще ближе и села, как лохматая черная птица, на зубцы крепостных башен. Ничто не нарушало тишину, даже дромы угомонились. Звезды чуть сместились к востоку, возвещая близкий рассвет.

— Сколько же лет вам понадобилось, чтобы голыми руками построить этот замок? И сколько мужества? — тихо спросил он.

— Рэниты живут долго, — еще тише прозвучал ответ. Тогда он повернулся, отыскал в темноте ее руку и осторожно погладил ее.

— Я побывал на разных планетах. Я знаю: бывают ситуации, из которых невозможно выбраться. Но так только кажется, поверь мне! Теперь вы не одни, люди помогут вам вернуться.

— Есть законы, перед которыми бессильны и вы и мы. Это вечные, нерушимые законы времени. Те, кто восстает против них, сами становятся мертвецами, им уже ничто не поможет.

Но он не слушал ее, он торопливо, почти лихорадочно, думал, как помочь им, как найти выход.

— Мы можем послать экспедицию к вашей звезде. Не пройдет и года, как рэниты прилетят за вами!

— Пока мы летели сюда, прошло слишком много времени. Не забывая об этом, Ролано. Мы знаем свое будущее. Даже нашей звезды больше нет на вашем небе, и вся наша цивилизация давно погибла.

— Но ведь Дубров возвращался отсюда!

— Ты тоже вернешься.

— Значит, и вы могли бы!

— Вернуться куда? В ваше время? Оно чужое для нас. Рэниты гордая раса.

— Я знаю.

— Плохо ты нас знаешь, если предлагаешь такое!

— Но ведь не можете вы оставаться здесь одни! Без помощи! Мы могли бы оставить вам всю планету, завести сюда необходимое оборудование, машины...

— Опять ты о том же. Не такие уж мы беспомощные. Тысячелетние древние знания нашего народа помогли нам выстоять в самое трудное время, теперь наш дом здесь. Другого нет и не будет. У каждого народа свой путь. Теперь ваша очередь летать к звездам. Может быть, вы будете счастливее нас...

— И все же хоть что-то можем мы для вас сделать? Неужели люди не имеют права помочь друг другу в беде?

— Возможно, у вас есть такое право, только мы не люди...

Она замолчала, и в ее молчании он угадывал нечто недосказанное. Может, это была просьба, которую не выражают словами. Наверное, он сам должен был все понять, но в ту минуту он ничего не понял, только почувствовал, что разговор окончен, что истекают последние секунды этой фантастической, невозможной ночи. Не все умеют мириться с неизбежным.

Он крепче сжал ее невидимую в темноте руку.

— Послушай... Вельда, мы могли бы вернуться вместе...

— А ты знаешь, сколько мне лет?

— Какое это имеет значение?!

— Имеет, Ролано, имеет. В первую сотню лет чувства приглушаются, отмирают. Остаются лишь память и долг. Я выполняла свой. Теперь прощай.

Она отняла руку, повернулась и почти сразу растворилась в темноте.

Роганов решил вернуться на следующее утро. Он еще не знал, как это сделает, но чувствовал, что время настало и что обратный переход пройдет без труда. Он убирал комнату, когда дверь за его спиной тихо отворилась. Вошел Гарт — единственный из рэнитов, снисходивший до общения с ним.

— Ты уходишь совсем?

Роганов удивился его пронизательности, но не показал виду и утвердительно кивнул головой.

— Мы кое-что должны тебе.

— Я узнал все, что хотел.

— То, что ты узнал, бесполезно и для тебя, и для твоего народа.

— Я так не считаю. Остальные знания мы добудем сами. Люди тоже гордая раса. Прощай.

— Останься хотя бы на завтрак. У тебя долгий путь.

Ротанов отрицательно покачал головой и прошел мимо посторонившегося рэнита. Он уже знал, что всякие прикосновения как выражение симпатии у них не приняты и потому не протянул ему руки.

В центре стриженного пятна, обозначившего границы сохранившейся в будущем роши, было одно растение, отличавшееся от остальных. Ротанов заметил его еще в колонии. Здесь же среди своих укороченных собратьев оно сразу бросалось в глаза. Его ствол был толще, крона пышнее и «подрезалась» — исчезала из виду как будто выше, чем у остальных. Кроме того, ствол этой трескучки расчленялся на сегменты, словно перед Ротановым рос гигантский бамбук толщиной в добрый бочонок. Он постукал по глянцевитой коре, звук казался глухим, очевидно, ствол внутри был полым. Он обернулся и долго сквозь редкие заросли смотрел на дорогу, на которой два дня назад увидел повозку с Вельдой. «Странное создание человек, — подумал Ротанов. — Он упорно добивается истины, ищет ее, не считаясь ни с какими трудностями, а достигнув наконец, не может сдержать чувства горечи. Всегда так бывает, почти всегда. Наверное, поэтому древние считали плод познания... горьким».

Ротанов нашел в корнях большой трескучки углубление, сел в него удобнее и стал ждать восхода солнца, только сейчас почувствовав, как устал от этой бесконечной ночи и накопившейся горечи. Уйдя от рэнитов, он вдруг испытал облегчение, словно все это время нес на плечах вместе с ними непосильную тяжесть утрат, разочарований и безнадежности. Теперь он многое видел иначе, иной меркой судил их. Кем они были? Торговцами, продававшими крупичи своих знаний за чужой труд? Мечтателями, покорявшими звезды? Учеными, подчинившими себе само время?.. Их эпоха прошла. Навсегда сгнула в бездну прошлого, только память осталась, и не стоит тревожить прах этих воспоминаний, вторгаться в их склепы... Потому что здесь, на Реане, осталось от них только прошлое, мертвое прошлое.

Первые лучи солнца согрели его, и он задремал, продолжая слышать шорох листьев над своей головой. Потом его качнуло, легко, как это бывает в кресле глайдера, когда тот идет на посадку. Ротанов открыл глаза, увидел солнце, клонившееся к западу, взглянул на свое обнаженное тело и, поднявшись, сказал серьезно, обращаясь к трескучке:

— Спасибо, друг.

Он нашел свой рюкзак и одежду в том самом месте, где оставил их. Значит, в колонии до сих пор не обнаружили его отсутствия?.. Вот почему он нашел Дуброва в своем коттедже в ночь его исчезновения. Очевидно, все его долгое путешествие заняло по времени Реаны не больше нескольких часов. Ротанов торопливо оделся и вдруг услышал странный звук, словно за его спиной загудел большой шмель. Ствол большой трескучки вибрировал и слегка раскачивался. Ротанов подошел ближе. Раздался резкий звук, и Ротанов от неожиданности отшатнулся. Ствол растения расколола снизу доверху продоль-

ная трещина. Ее края развернулись, и прямо на глазах Ротанова в совершенно пустом пространстве ствола вдруг появился какой-то предмет. Ротанов смотрел на него долго, не смея двинуться с места, не веря собственным глазам...

Место Дубров выбирал тщательно. Его не должны были найти, прежде чем он осуществит задуманное. Проще было укрыться в горах, где имелось множество пещер, завалов, ущелий. Но горы его не устраивали, ему необходима была голубоватая почва Реаны. Одинокая скала образовала в этом месте нечто вроде большого грота и закрывала его новое жилище вместе с участком огороженной земли от наблюдений с воздуха. С трех сторон участок скрывала скала, с четвертой робот набросал высокий песчаный вал, и обнаружить укрытый под скалой коттедж можно было лишь подойдя вплотную. Скалу он нашел года два назад, когда много путешествовал по реанским пустыням в одиночку, пытаясь найти в них следы былой жизни. Еще тогда подумал, что это место идеально подошло бы для небольшого поселения, если бы люди могли добывать здесь для себя пищу... Все дело было именно в земле. Он надеялся, что, если ему удастся удалить из нее частицы ядовитой голубой глины, земля вновь обретет плодородие... Он знал, что колония трескучек приживается лишь в том месте, где может вырасти маточное растение. Не было у него почти никаких шансов на успех, но он все же решил попробовать, потому что иного пути не было. Жизнь на этой планете была возможна лишь там, где росли трескучки. В одном инспектор был, безусловно, прав — не могли они рассчитывать на сокращавшуюся с каждым годом резервацию. Если его попытка не удастся — люди навсегда оставят эту планету, и тогда пустыни поглотят последнее живое пятно. Были у него и другие причины, заставившие пойти на этот отчаянный шаг. О них он не стал бы рассказывать никому.

Дубров зачерпывал землю лопатой, рассыпал ее на куске брезента и пальцами зернышко к зернышку перебирал сухую почву. Для этой работы не годилось ни одно механическое приспособление, только человеческие руки могли отобрать ядовитые крупинки. Правда, трескучки каким-то образом росли на этой почве. Вот только новые ростки на ней не приживались. Каждый сезон спорозоиты уходили в пустыню, сеяли свои споры, из которых ничего не выросло, и ветер нес по мертвой земле черную пыль.

Каждый вечер он высыпал очищенную землю на заранее приготовленное место, выравнивал ее, словно в пустой земле могли быть зародыши какой-то жизни. На что он рассчитывал? Для чего проделывал эту бесконечную работу?

Каждый вечер, отворив калитку своего огорода, он садился на крыльце дома и ждал, до рези в глазах всматриваясь в пустыню. Иногда он видел миражи: у самого горизонта возникали стены несуществующих городов. Человек был так же терпелив, как эта пустыня, много столетий ждущая своего часа, чтобы затянуть петлю вокруг последнего пятна жизни, еще оставшегося на планете. И однажды человек дождался.

Вначале на горизонте появилась черная точка. Она посте-

ленно приближалась, увеличивалась в размерах. В глазах человека сменилась целая гамма чувств. Вначале в них было удивление, потом разочарование, затем отчаяние. Это было совсем не то, чего он ждал. К его владениям приближался обыкновенный вездеход, и рычание его мотора уже вторглось в величественное молчание пустыни.

Из вездехода вышел всего один человек. Ротанов. Дубровым вдруг овладело безразличие. Пусть делают что хотят, пусть выполняют инструкции, он пальцем больше не пошевелит. Он не двинулся с места, когда инспектор вытащил из вездехода какой-то мешок и молча отнес его к калитке. Он не произнес ни слова, когда Ротанов вернулся, подобрал лопату, лежавшую у крыльца, и снова ушел в огород.

Постепенно им овладевал глухой гнев. Посторонний человек распорядился в его владениях как у себя дома. Какой-нибудь осерединой карантин, какие-нибудь анализы, запреты! Инспектор посреди его огорода копал большую круглую яму. Дубров видел, как его шинчатые ботинки рвут и топчут землю, над которой он работал все эти долгие дни, которую отсеивал по крупнице. И все-таки он не произнес ни слова. Когда яма была готова, инспектор высыпал в нее мешок земли, привезенный с собой. Выровнял края, сделал в середине небольшое углубление и вернулся к Дуброву. Долго молча он стоял подле него. Дубров не смотрел на инспектора, он смотрел на свой искалеченный огород, в котором по-прежнему не было ни одного ростка.

Услышав какой-то непонятный шорох, Дубров перевел взгляд и увидел руки Ротанова, большие, ловкие, покрытые свежими мозолями и ссадинами. Дубров слишком хорошо знал, откуда на этой планете у человека могут появиться такие мозоли, и почувствовал, как сердце у него замерло. И только потом он увидел, что они не пустые, эти руки. В ладонях Ротанова лежал какой-то предмет, завернутый в выгоревшую мятую тряпку. Инспектор медленно разворачивал эту тряпку. Как зачарованный следил Дубров за его пальцами, снимавшими еще и внутреннюю обертку из мягкой бумаги. Потом Дубров на секунду закрыл глаза и отвернулся, боясь ошибиться. Когда он снова взглянул на руки Ротанова, в его ладонях, соединенных вместе, лежал освобожденный от оберток выпуклый коричневый предмет, покрытый глянцевитой кожей. Форма предмета чем-то напоминала человеческое сердце. Дубров медленно поднялся с крыльца и протянул к предмету руку, словно хотел погладить его, но как и не решился. Он проглотил комок, застрявший в горле, и глухо спросил:

— Откуда это у вас? — Он все еще боялся ошибиться.

— Это оно, старина. Ты все подготовил как надо. Теперь, если хочешь, посади его сам.

Семя было тяжелым, оно казалось просто огромным, наполненным свежими соками, его прохладная оболочка приятно холодила руки. Дубров долго держал его на вытянутых ладонях перед собой.

— Биологи оторвут нам голову, когда узнают. Они ищут его много лет. Говорят, оно лечит от всех болезней, говорят, в нем скрыта тайна бессмертия. Ты слышал легенду? — Ротанов мол-

ча кивнул. — Оно не всякому дается в руки, только раз в столетие вызревает это семя...

И вновь Ротанов услышал, как гудел и вибрировал ствол растения, словно звал его из какого-то невероятного далека, и еще вспомнил, как приподнялась и опала зубастая морда монстра, едва до нее долетел его запах — запах человека.

— Наверное, у них есть основания доверять нам. Наверное, мы оправдали это доверие, ведь они знают будущее...

...И однажды они дождались. Далеко на горизонте появилась крохотная точка. Она росла, приближалась, и ничего чужеродного, ничего механического не было в ее движении. Небольшой мохнатый треножник на секунду остановился перед калиткой, словно раздумывал, нужно ли входить. Два человека затаили дыхание. Но вот мягкая лапа сделала пробный шаг, осторожно ощупала взрыхленную почву, и существо вошло в огород. Там в его центре победно устремлялся к фиолетовому небу Реаны мощный зеленый росток. Существо обошло его вокруг, склонилось, словно обнюхивая, и вдруг завертелось на грядках в радостном танце и почти мгновенно превратилось в пушистое облачко спор, а на горизонте уже появилась новая точка...

— Наверное, их привлекает запах, а может быть, они просто знают, что здесь уже нет пустыни.

— Да, мы разорвали кольцо. Это лишь первый шаг, но кольца уже нет. — И Ротанов вдруг вспомнил руки женщины на картине, руки, которые так и не сумели защитить планету. Кажется, теперь он понял, о чем она хотела его попросить. Кажется, теперь он знал...

А в огороде уже взорвалось новое облако спор. И он увидел, как ряд за рядом поднимается из земли зеленое воинство, как тесна становится для него ветхая ограда, как, перешагнув ее, сплошным зеленым потоком оно устремилось в пустыню.

